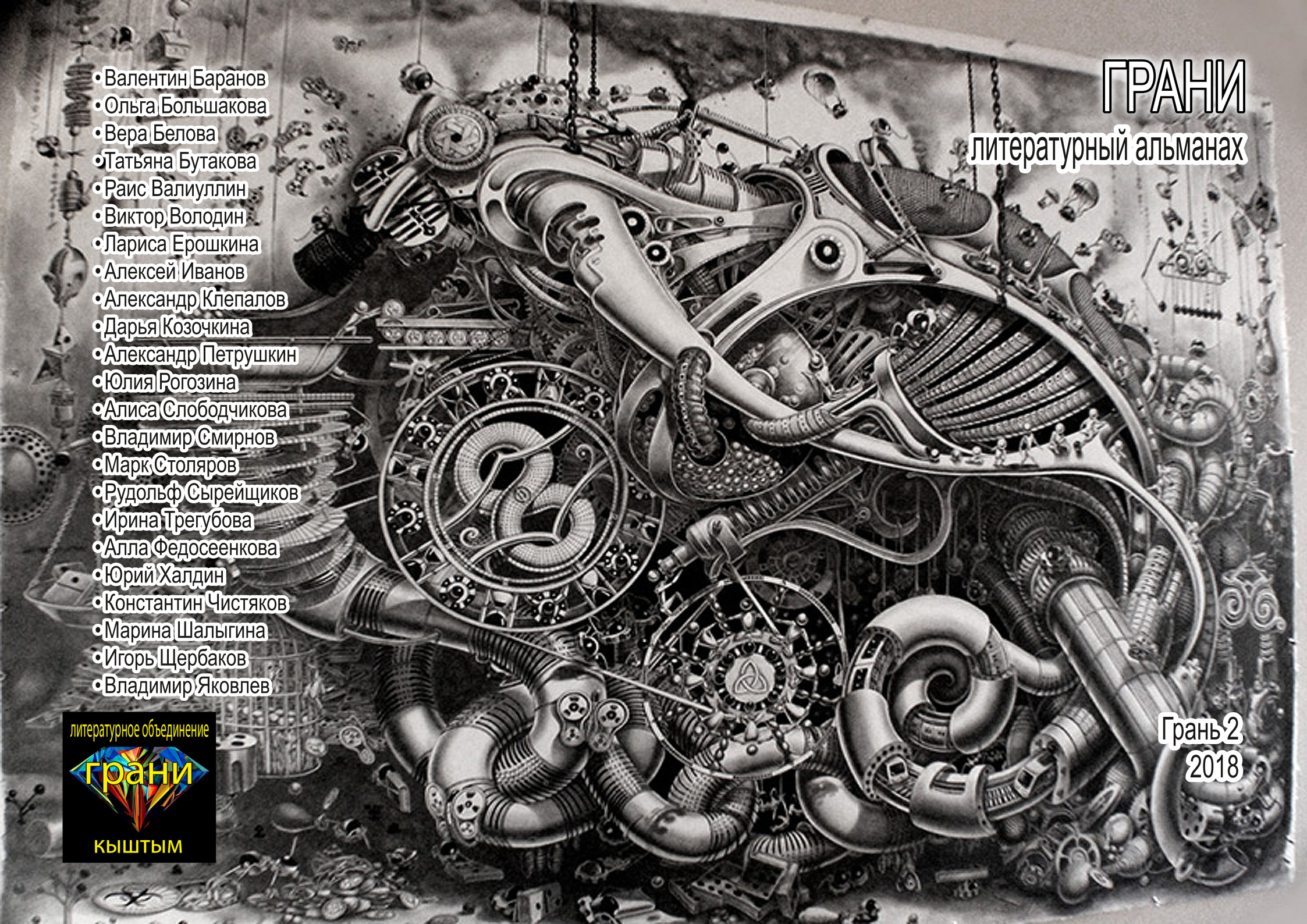

-
- Валентин Баранов
 - Ольга Большакова
 - Вера Белова
 - Татьяна Бутакова
 - Раис Валиуллин
 - Виктор Володин
 - Лариса Ерошкина
 - Алексей Иванов
 - Александр Клепалов
 - Дарья Козочкина
 - Александр Петрушкин
 - Юлия Рогозина
 - Алиса Слободчикова
 - Владимир Смирнов
 - Марк Столяров
 - Рудольф Сырейщиков
 - Ирина Трегубова
 - Алла Федосееенкова
 - Юрий Халдин
 - Константин Чистяков
 - Марина Шалыгина
 - Игорь Щербаков
 - Владимир Яковлев

ГРАНИ

литературный альманах

литературное объединение

КЫШТЫМ

Грань 2
2018

ГРАНИ

литературный альманах

2018
Грань 2

Литературное объединение «Грани»
Евразийский журнальный портал «Мегалит»
Кыштым

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редакторы-составители:

Александр Петрушкин
Марина Шалыгина

Грани. Литературный альманах. Грань 2 - 2018 - Кыштым: Евразийский журнальный портал «Мегалит», 2018 - 120 с.

© Валентин Баранов, Ольга Большакова, Вера Белова, Татьяна Бутакова,
Раис Валиуллин, Виктор Володин, Лариса Ерошкина, Алексей Иванов,
Александр Клепалов, Дарья Козочкина, Александр Петрушкин, Юлия Рогозина,
Алиса Слободчикова, Владимир Смирнов, Марк Столяров,
Рудольф Сырейщиков, Ирина Трегубова, Алла Федосееенкова, Юрий Халдин,
Константин Чистяков, Марина Шалыгина, Игорь Щербаков, Владимир Яковлев,
тексты, 2018

© Александр Петрушкин, редактурa, составление, дизайн, верстка, 2018
© Марина Шалыгина, редактурa, корректурa, 2018

CONATUR CARMEN

Татьяна Бутакова /6/ Юрий Халдин /7/ Владимир Яковлев /9/
Игорь Щербаков /11/ Ирина Трегубова /13/ Константин Чистяков /14/
Александр Петрушкин /15/ Марина Шалыгина /19/
Лариса Ерошкина /23/ Раис Валиуллин /25/

PROSE LOQUI

Марина Шалыгина. Платье /30/

AD TEMPUS ADERO

Александр Петрушкин. Тыдымский дневник. 2017 год /34/

LOCIS

Валентин Баранов. Касли /66/ Алексей Иванов. Санкт-Петербург /68/
Марк Столяров. Озёрск /70/

МАСТЕРСКАЯ СЛОВА «АЛЫЕ ПАРУСА»

ДОМ ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА /Кыштым/

Владимир Смирнов /76/ Дарья Козочкина /77/ Юлия Рогозина /79/

ТИХОЕ ЗИМОВЬЕ

Рудольф Сырейщиков. Отыщи мне лунный камень... /82/
Константин Чистяков. Памяти деда /84/
Александр Клепалов. Великий патриот Урала /87/

ДЕТСКАЯ

Ольга Большакова /96/ Алиса Слободчикова /100/
Ирина Трегубова /103/ Раис Валиуллин /104/ Вера Белова /105/
Людмила Щелконогова /107/ Юрий Халдин /112/

**ПОЛОЖЕНИЕ О КОНКУРСЕ
«ОДНО СТИХОТВОРЕНИЕ – ОДИН ПОБЕДИТЕЛЬ» /113/**

**СТИХОТВОРЕНИЯ УЧАСТНИКОВ КОНКУРСА 2017 ГОДА
«ОДНО СТИХОТВОРЕНИЕ – ОДИН ПОБЕДИТЕЛЬ»**

Владимир Яковлев /115/, Виктор Володин /116/,
Лариса Ерошкина /116/, Алла Федосееенкова /117/

Татьяна Бутакова

* * *

Простите меня, одноклассники,
 Что лень иногда вам ответить,
 Простите, что в редкие праздники,
 Могла ваш привет не заметить.

С годами я стала сварливой,
 Меня раздражают ошибки.
 С годами я стала гневливой,
 Хоть в жизни ценю я улыбки.

Простите, так сложно признаться вам,
 Да и признаваться не хочется,
 Что наше инетное творчество,
 Быть может сродни одиночеству.

Не свидимся с вами, друзья мои,
 Не выпьем под хохот мы водочки.
 Мы - разные. Мы – виртуальные.
 И так безнадежно далёкие.

Юрий Халдин

* * *

Шумело море, волны бились
 О берег каменистый и крутой.
 И мальчик, что впервые море видел,
 Боролся с набегающей волной.
 Он то нырял под волны, исчезая,
 То появлялся, громко хохоча
 И радуясь своей невинной шутке,
 А мать его ругала сгоряча.
 И помнятся счастливые мгновения,
 Хотя с тех пор прошли уже года.
 Но не увижу больше, к сожалению,
 Я это море детства никогда.

* * *

Пусть для кого-то осень унылая пора
 И в листья разноцветные одетая природа,
 Последних тёплых дней закончится игра,
 На двор уже придёт иное время года.
 Давайте все мы радоваться будем
 Последним тёплым дням, природы красоте,
 Ведь впереди нас ждёт зима и злая вьюга.
 И будет всё - не так. И станем мы – не те.

СОН

Передо мною башня возвышалась
 И уходила в небо от земли.
 И по ступеням поднимались люди
 И вереницей друг за другом шли.
 Там, наверху, сидит Вершитель судеб
 И праведный вершит над нами суд.
 И я решил: а будь оно, что будет!
 Я по ступеням в небо поднимусь
 И перед Ним безропотно предстану,
 И пусть вершит Он надо мною суд.
 Но я, наверно, недостоин Рая:
 Мои грехи к земле меня влекут.
 Всю тяжесть их внезапно сознавая,
 С истошным криком я сорвался вниз,
 Кричал я, свою гордость забывая,
 И дьявола внизу я слышал визг.
 Но не разбился! А когда проснулся,
 Подумал: грешен пред Тобой,
 Благодарю, что ты даёшь мне Время,
 Спасибо, Господи, за то, что я живой!

Владимир Яковлев

* * *

поэтические рифмы
 завладели керосином
 нету смысла апельсинам
 прятаться в чужих дрезинах

нарисовано стократно
 девки пляшут у воды
 а на дереве желанном
 всё листочки да хвосты

мы стареем потихоньку
 солнце пальмы и мосты
 ты стоишь у водопоя
 невиновен и не ты

* * *

если долго стоять у воды тишины невесомой
 и глаза твои будто впиваются в дебри и сонно
 находясь у причала ты чувствуешь в нём превращенье
 золотистой листвы из костра и любого мгновенья
 побродив меж камней наполняясь порой предрассветной
 ты в дырявых штанах всё надеешься быть незаметным
 ты побудешь ещё и воротишься к старому дому
 и в сениях дремлет кот прижимаясь к лучу золотому

Игорь Щербаков

* * *

на перепутье между тем
 невероятная погибель
 усталость пережитых сем
 просвет не виден

две головы в одной избе
 стремящиеся в ночь зарницы
 переключи канал в себе
 настройся на дыхание птицы

узнай в роящейся толпе
 карнизов чёрную усладу
 и будет слякоть при тебе
 прошедшего насквозь парада

* * *

через века через авось
 кружилось время вспять той стуже
 произведённое сбылось
 на миг всё стало глуше

нарисовав себя везде
 на полустанке ты садишься
 и проезжая в пустоте
 ты веселишься

* * *

Всё у нас наполовину.
 Жизнь – как жёлтый светофор:
 Колебанья и сомненья
 Правят нами с давних пор.
 Не держась морали строго,
 Между делом верим в Бога,
 Больше верим колдунам,
 Гороскопам, вещим снам.
 В чём-то мы чуть-чуть за красных,
 И немножечко за белых,
 Впрочем, нынче больше всяких
 Полинялых, порыжелых.
 Даже любим мимоходом
 И не сильно. Просто так
 Осуждая без раздумий
 За какой-нибудь пустяк.
 Так живём и потихоньку
 Одолеем жизни путь.
 А потом умрём немножко.
 Может, вспомнят нас...
 Чуть-чуть.

МОНОЛОГ КРЕСЛА

Я – памятник себе – пусть рукотворный.
 Ко мне не зарастёт народная тропа.
 Царить перед толпой коленопреклонённой
 Мне выпала завидная судьба.
 С министрами моё знакомство близко,
 Как много их протёрло здесь штаны!
 Тут есть нюанс, хотите ль не хотите –
 Я всех их знаю с лучшей стороны!
 Я издавна пригрето для удобства,
 И сомневаться нет причин:
 Сидеть на мне уютно и доходно,
 Оценит это всякий важный чин.
 Я – трон (почти), и нет во мне изъяна.
 Мне все вокруг давно по барабану!

* * *

Всё растворилось в тишине:
 Раскаты грома, шум прибоя.
 И в этом мире волшебства
 Осталось их всего лишь двое.
 Напевы ветра, шёпот трав,
 Звучанье звёздных сфер бездонных –
 Во власти гулкой тишины,
 Той, что стучит в сердцах влюблённых.
 И даже рокот бурь таких,
 Что сдвинут ось земного круга,
 Не потревожит тишины
 Для тех, кто слышит лишь друг друга.

Ирина Трегубова

* * *

Висячие сады Семирамиды –
 Виденье, призрачный мираж,
 Царём воздвигнутые в честь Амитис,
 Они маяк любви в истории иль блажь?
 Открой завесу тайны, Вавилон!
 Потомок пусть узнает правду!
 Оставь свой след в наследии времён
 Для человечества в награду!

* * *

Маленький чёрный котёнок
 В зелёнке измазался весь.
 Утром склянку с брильянтами
 У хозяйки своей укатил.
 Такой старательный кроха:
 Брильянтами всё залил.
 Маленький чёрный котёнок
 У двери в ожидание сидит.
 Шёрстку вымыл умело,
 Как мог, все следы заметал.
 Хозяйка вернётся скоро –
 Готов фейс-контроль проходить!

Константин Чистяков

* * *

Я помню одесское горе.
Чуть память мою ты затронь –
И в мыслях – печальное море,
И слёзы, и боль, и огонь.

Желтеют осенние листья,
За окнами медленный дождь.
Тебе Новороссия снится,
Одесса, я знаю, ты ждёшь.

Вернётся к нам братство, вернётся!
Надежду храним и растим.
Народом единым проснёмся.
Обнимем, утешим, простим.

* * *

Снегопадом накрыло наш город.
О, разгневанный ветреный март!
Вместо счастья – метели и холод,
Ссор бессмысленных глупый азарт.
Тлеет память весенней капли,
Что нам птицы с утра принесли.
Но опять из Европы метели
Весь Урал в один день замели.
Мой капризный, мой пасмурный город,
Хочешь, крикну: «Навеки прощай
Этот день, этот спор, этот холод»?
Но – ты шепчешь мне:
– засыпай.

Александр Петрушкин

* * *

Человек – это берег, покинувший сам себя:
колокольчик из лепры над ним, или жар в узлах
колокольной мышцы, свившей внутри гнездо
и долдонящий, как птенцы, до и до,

где уключина в белой воде [не своей] скрипит –
хоть отплыла лодка, и её отраженье взяв,
истекла река, как последняя из причин,
и хлопочет о месте её полый взмах весла.

Из числа истёртый идёт по себе человек
как колючка, за свет зацепившись, светильник тьмы,
удержавшись за берег, который он взял собой,
и шаги его сквозь полёт стрекозы слышны:

то присядет она на борт света, а то в плечо
удодит из брызг отплывавших доныне волн,
а то знак вопроса поставит на темень, что
оступается в мышь летучую с головой.

Вот и корни воды проросли из земли хворать –
человек по ним идёт и собой исполняет даль,
а над ним – белый берег из эха, локатор, вздор
и горит гнездо и шумит, угодивший в него прибой.

* * *

Свет вынимает стрекозу
из позвоночников воды.
Внутри поёт велосипед –
спираль разжатой немоты.
Догадка о самой себе,
как ты горишь вокруг себя,
и, как ошибка, спишь во рту,
глазное яблоко [с]лепя.

* * *

Гора проясняется в два
сонета, несомых в плечах
её невесомых, в чей троп
себя развернула пчела,
чей свёрток под небом гудит,
как голоса тёплый клубок,
гору разгибая из тьмы,
положенной в неба кружок.

* * *

Нарезан хлеб мороза. Налита
земля по горлышко своё, но – не до дна,
а через дно, черпаешь ложкой дрожь, озноб
сияние безликое, как гроб.

Кто у окна холодного стоит,
как столб и слезы вынутых синиц? – трещат синицы
– *ты вернись, вернись, как варежка в рукав...*
а обернись –

и ночь низка, и говоришь во тьме
– будь, Господи, несправедлив ко мне.

* * *

Как утро насекомые грядут,
которых рассосал, желтея, грунт
иссушенный зимой и мерой, вдоль
качая рыбьей мёртвою губой.

Я слышу, как костяшками внутри
у них катаются живые пузыри,
и водомерка, ливни разоткав,
теперь забыла жажду или страх.

Посередине тают и горят
два светлячка, прохожие сквозь ад,
и катятся живые пузыри
из позвоночника забитой в тьму воды.

И говоришь, в невидимую твердь:
осталось лишь себя перетерпеть.

* * *

Что тяжелее света
здесь остаётся [здесь
паузу делай для вдоха,
чтобы развидеть лес,

слышать, как стекленеют
воды на небесах
там, где горчат по двое
радость и смерти страх].

Всё бы забыть и ветви
раздвинуть, как ад и рай,
паузой [в небо метишь]
что из земли собрал.

Марина Шалыгина

* * *

высота, которой ты выдавлен был
на сетчатке пространства, которое есть пустота
и которое ты ощущением тяжести сшил,
потому, что вся тяжесть в тебе – это свет и игла.

всё, что есть – это точки [их две], между них – полотно,
то есть странный симптом, что другой наблюдает тебя,
потому что и ты и другой – это неба окно,
удивлённое слово, что смотрит и смотрит в себя.

* * *

Как полнота улова – пёсий лай
и время, скрученное в снеге, как в улыбке –
улитка бесконечная, как взрыв,
ползёт по снегу, в каждой его льдинке –
улитки край, улика, ночь, Кыштым,
записанный на лающей пластинке.

Хрустит улов, сквозь снега выдох-вход,
замедленно, как в хронике прибытий
незримых нам, но прочных, поездов,
пророков и узлов, витий, распитых
стаканов - боже! как же он хрустит
в глазу у света, а иных событий

не ожидается и вытянута сеть –
блестит, как дверь, на затемнённом свитке,
сворачивается в небо, как ладонь,
и оживает в чёрно-белом свисте,
где ты стоишь под неба высотой,
как небо – с головою непокрытой.

* * *

Существ ползучих третий глаз –
Слепой улавливатель лета,
Жары, пронзительного света,
Пока свет белый не угас.

Пока есть шансы на тепло,
Сил не щадя, в изнеможении
Заботиться о размножении –
Не знаю, благо или зло.

Земли создатель дал приказ,
Чтобы слепой тут был правитель,
Не третий лишний, а даритель,
Регулировщик жизни – глаз.

А человеку что ж? – уныние?
Средь поисков, ошибок, проб
Я свой ощупываю лоб.
Нет глаза третьего в помине.

Жар радостный любви, тепло
Вслепую, но безмерно чутко
Ловить – наверное, не шутка –
И чую свет, пока светло.

* * *

Сошлись ватаги загорелые
 Против огня и топора.
 – За что стоите, други смелые?
 – Живую жизнь спасать пора.
 Защитой выводку звериному
 И поселению грибов,
 Птенцу, детёнышу безвинному
 И стайке солнечных цветов
 Стоим открыто безоружные,
 За нами лепет родников,
 Болота оханье недужное,
 Дыханье древних ледников.
 Стоим кондовые и грубые,
 Сибиряков густой отряд,
 И не считаем нашей убыли –
 Ни старцев думных, ни ребят.

Наши дети покинуты в зыбках,
 А юницы плачут в воротах,
 Предводители – умерли в избах,
 Но есть сила зелёная в наших ротах.

ЗИМНИЕ ДЕРЕВЬЯ

Сироты, брошенные дети,
 Под замороженной луной
 Им больше ничего не светит
 Здесь, на окраине лесной?

Они отбрасывают тени,
 Как костыли, и рвутся ввысь –
 От серых призраков до гения
 Своею волей вознестись.

Но не извлечь корней. Задача
 Их в глубину, в тепло продлить,
 Чтоб свитки жизни разворачивать,
 Сиротства узость победить.

СТИХИ ПО ДЕТСКОМУ РИСУНКУ

За дверкой нету ни зверей,
 Ни норки, ни еды.
 Стоят беззвучно у дверей
 Всклень тонны пустоты.

На самом краешке земли
 В мечтах учёный кот:
 Построить, что ли корабли –
 За тайной! И – вперёд!

Он знает жизнь, владетель крыш,
 Он парень непростой,
 Он размышляет, есть лимышь
 За этой пустотой.

* * *

В зародыше дыхание и ритм,
 Глубинное могучее течение,
 Свечение слов на сколах рифм,
 Их сила и смирение.

Неясен промысел. Поверху – тишь.
 И замкнуты язык и слух, и снова
 Не слышу, что ты говоришь –
 Вынашиваю слово.

Лариса Ерошкина

А предвкушение видения ли, сна,
Невнятицы начальной строчки
Я утаю. Покуда тишина – Вселенная,
упрятанная в точку.

* * *

Хмелеют хмурые кержацкие пруды.
Весна воды. Темнеющие льды.

Разверзлись хляби. Дождик во всю мочь
На снег последний лился в эту ночь.

В кыштымских львах можно утонуть.
Тумана морок затмевает путь.

Но утром будущим, обрушивая свод,
Горы хозяйка отворяет ход

Во кладовую, где слюда и малахит,
Где Лето яшмой на лежанке спит.

А на валун, что влажен и замшел,
Кыштымский ящер выползает из пещер.

И солнца первобытный океан
Колышется, мне в ощущения дан.

* * *

Ни снился Ангел шестикрылый,
Ни сам Господь язык не рвал,
Мне стихотворные порывы
Лишь гений Пушкин навевал.

К большим поэтам непричастна
И от пророков далека,
Я над своей судьбой не властна:
Бывает, просится строка.

И пусть стихи признанья мимо,
Но мой нарушили покой.
Так, может, есть Пророк незримый,
И он ведёт моей рукой?

* * *

Обними сосну, почувствуй
Всю Урала мощь,
Преклонись душой к могущей
Духу встать помочь.

Как стоит корнями в берег –
Так же укрепись.
Со спокойствием, открыто
Вьюге улыбнись.

Раис Валиуллин

Не сгибайся. Ветры странствий
Не тебе поют.
Там, над кроной ожидает
Вечности приют.

По весне она встревожит
Всех, что с ней в строю
Глядя в озеро, умножат
Красоту свою.

* * *

В одно мгновение, ниоткуда
На памяти, уколом в сердце
Картина счастья промелькнула,
В былое приоткрыла дверцу.

Противовесом – сожаленье
Надолго гирями повисло
О чувствах, съеденных сомненьем,
С раскаяньем о поздней мысли.

РОМАШКИ

Невесты в белом!
В сердечках – солнце!
Кто самый смелый
Понять возьмётся:
Как тонким станом
Им укрепиться,
Весною будущей
Чтоб возродиться.
И в разнотравье,
Кругом в сестрёнках
Детишек нянчить
В белых пелёнках.

ВЕСНА

Весною в небе сером, из полыньи-колодца,
Из синего оконца выглядывает солнце.
Пускай ещё несмело, порою – даже робко,
Его лучи на Землю прокладывают тропку.

Земля ещё под снегом томится в ожиданье,
Снежок последний зиму напомним на прощанье.
Печным дымком негусто попыхируют трубы.
И мы уже смелее: не надеваем шубы!

А солнце всё сильнее, всё ярче, озорнее,
Весною даже ветер гуляет веселее.
Из тёплых стран вернутся и защебечут птицы.
Весна уже приходит, она уже не снится!

Всё в мире оживает, готовится к веселью,
Трава, проснувшись, встала в заснеженной постели.
Конечно, снег растает! Но хочется скорее
Бежать за ручейками, корабликов быстрее.

ФОТО

Держу в руках потрёпанный альбом.
Застыло время в пожелтевших снимках.
Смотрю на них и греюсь их теплом,
Душевым светом, озарившим лица.

Судьбы мгновенья, радость и печаль
 На карточках увековечил мастер.
 Он всех просил смотреть куда-то вдаль.
 Слепил их вспышкой и ругал ненастье.

И, среди прочих, дрогнувшей рукой
 Возьму я фото с Первомаем.
 Там демонстранты - праздничной рекой –
 И голубь Мира на воздушном шаре.

Меня на плечи посадил отец.
 Кричим: «Ура!», шагая вместе.
 И я, совсем ещё малец,
 Смотрю оттуда прямо в вечность.
 С волненьем вглядываясь в лица
 Прошедших лет, минувших дней,
 Пытаюсь снова очутиться
 В кругу знакомых мне людей.

Хочу почувствовать то время.
 Смеяться, плакать. И мечтать
 Что мы, что наше поколение,
 Ни с кем не будем воевать!

Сейчас и мы уже отцы,
 Детей своих берём на плечи,
 Они – такие же мальцы –
 Сквозь объектив заглянут в вечность.

Пусть времени песок в моих часах
 Судьбу не раз ещё отмерит.
 И дети - на моих глазах -
 В СВОЮ мечту заветную поверят.

РОССИЯ – ЧЕМПИОН

Кто хоть раз играл в футбол,
 Не забудет первый гол.

Пусть он был забит в игре
 С пацанами во дворе.

Ребятня заснула в койках,
 Позабыв о тройках-двойках.

Спят и видят в ярком сне,
 Как помочь родной стране.

Всех Россия обыграла
 Мы – в финале мундиаля!

Тренер говорит ребятам,
 Даже тем, кто в классе пятом:

«Всё, ребята, выручайте,
 Больше некому играть!»

А соперник самый сильный –
 Матч «Бразилия-Россия»!
 У страны всей на виду
 В восемнадцатом году.

Вот фамилию свою
 На футболке узнаю.

Рёв трибун! И гимн России
 Голошу я, что есть силы.

Матч начался! И...опять
Нежно будит сына мать.

- Мама, дай часок поспать!
Хоть в запасе постоять!

Ведь не каждый раз во сне
Пригодишься ты стране.

Есть в мальчишках эта вера:
Станем мы – легионеры!

Всей планеты впереди,
Герб России на груди.

И тогда уже не сон,
Что Россия – чемпион.

Бойтесь нас, Дрогба и Месси,
Пойте русские вы песни!

Кто хоть раз играл в футбол,
Помнит свой забитый гол!

Марина Шалыгина Платье

Умерла одинокая Любовь Алексеевна, бывшая бухгалтерша. Соседские бабушки жалели:

– Рановато. Могла бы ещё потерпеть.

С другой стороны, повезло: в одночасье отошла. Умерла, не болея ничем, по больницам не ездила. И деньги на похороны не копила. Да из каких копить! Сроду племянницам все денежки отдавала, а они и не навещали, некогда им.

А родилась эта бухгалтерша от отца-фронтовика в сорок пятом году. Через год отец умер от раны открывшейся. И росла Любаша в семье, где одни голоднющие женщины: мама, бабушка, старшие сёстры и мамина двоюродная. В пять лет отправили девочку в туберкулёзный санаторий. На телеге увезли хворую. А девчонка ещё цеплялась за мать:

– Мамка! Не отдавай меня! Не хочу!

Вылечили, подкормили. Тихая росла, тонкая, белёсая, умненькая.

В двадцать случилось с ней горе-беда. В марте шла с бухгалтерских курсов через городской пруд. Несла с собой, как водилось у девочек, пузырёк с кислотой. Тогда много у нас уголовщины было, девчонки и носили, как оружие, пузырьки эти. Не помогло Любаше «оружие» - около берега поймали пьяные мужики, затащили в лодочный сарай и наиздевались вволю.

Отыскиали потом злодеев, судили, посадили надолго. Люба в больнице отлежала, оклемалась, к жизни оборотилась. Но с тех пор вовсе не могла переносить молодых мужицких голосов и мата. Как только в бухгалтерию заваливались весёлые водители, испуганно моргала и узкой ладошкой махала, указывала на дверь – де, мешаете зарплату

выдавать. И ухаживаний никаких не принимала (да и ухажёров немного было), и ни разу в жизни не имела ни сердечного друга, ни – тем паче – любовника. Хотя в остальном была очень даже нормальная: по работе усидчивая, исполнительная, к людям – отзывчивая, никогда, бывало, в деньгах не откажет. А уж племянниц – задаривала, чем могла.

Накануне смерти вечером Алексеевна смотрела по телевизору старый советский фильм про любовь. Так, вполглаза смотрела, потому что шила для внучатой племянницы платье нарядное, розовое, для выпускного. И получалось оно лучше фирменных. Примеряла на себя перед зеркалом – фигурой была худая, тощая даже, размер подходил – вот и мерила. Легла после полуночи, заснула крепко. И сразу начал ей сниться редкостный, яркий сон. Будто платье на ней розовое, для внучатой племянницы которое. Будто молодая она, и стоит перед зеркалом, вертится, смеётся. На голове вуаль, а из-за плеча букет кто-то подаёт. И знает она, кто. И обнимают её крепкие руки, не отпускают, но не противно ей, не давится она привычным тошнотным страхом. Любит она того, из фильма, рослого, простого, родного. И всё, как у людей быть должно: единственные слова, жаркие поцелуи и, наконец, полное и счастливое соитие – залог торжества вечной жизни земной. Такую необъятную радость испытала Люба, такая юная жажда жизни её посетила, что проснулась она среди ночи в слезах благодарности и умиления. Сердце захлебнулось радостью, запнулось и остановилось навсегда.

Пришли, приехали племянницы, похоронили, помянули тётеньку. А внучатая – Лена, для которой платье было шито, говорила:

– Ни семьи, ни детей, ни любви. В бухгалтерии век просидеть – кошмар какой! Бедная тётенька, и зачем только имя у неё такое было: Любовь!

Родственницы возражали:

– Не-е, а мы ей – что? Мы ж её, а она – нас - любили же! Родня же! И пожила хорошо.

Но не слушала Лена, плакала о тётеньке:

– Ничем её жизнь не наградила, и Бог не пожалел, не понимаете, что ли...

--

А платье сшитое Лена носить не захотела и на выпускной не пошла. Платье лежит в комоде розовым облачком в тёмном матерчатом мешочке, как младенец в уюте материнской утробы.

AD TEMPUS ADERO

Александр Петрушкин Тыдымский дневник 2017 год.

1/01/2017

После крайней поездки в Катеринбург я перестал потреблять спирто-содержащую продукцию. Из планов на начавшийся год - сохранение этого статуса (по мере сил). Записал, а то вдруг забуду

5/01/2017

Стих не написан. Осталось только это:
Птица – это её исчезновение.

6/01/2017

Вечность в итоге исторгает из себя каждого (одних раньше, других позже – просто надо понимать, что человек исчезнет из этого мира, а звёзды будут освещать эти скалы ещё очень и очень долго = и тогда многое будет воспринимать много легче).

7/01/2017

Из мимолётного: поздравляя, мы произносим слова «с Рождеством», но забываем упомянуть с чьим (непроста это) – говорят, что спастись в последние дни сможет каждый, кто призовет имя Христа, но также говорят, что многие это имя назвать не смогут).

9/01/2017

Время – это болезнь вечности, поскольку оно – не целое, а выделенная частность (хм, нецеломудрие - в иной терминологии). В принципе, и наша смертность - это тоже болезнь, а не наш итог. Чтобы понять, что времени нет, у каждого из нас проходит некий отрезок вечности (вот он, вероятно, и называется временем).
Время принадлежит человеку, а вечность Богу, а значит и человек, потому целомудрие - это и есть обретение вечности в себе.

О последнем суде. Для христианина гораздо важнее не отсчет того, что здесь, а будущая вечность, которую мы и взыскуем, потому время – это скорее часть нашей колыбели. Но – вообще я регулярно съезжаю в своём суемыслии в сторону гностицизма, что не есть правильно, но так уж есть – это от моего недоверия, выкидыш в общем я пока. Работаем.

10/01/2017

Во время одного из сетевых разговоров внезапно пришла мысль, что идеи глобализации, как модели развития, и идея «нового возрождения» – противоборствующие – поскольку новое возрождение возможно только в случае соревнования национальных культур с элементами взаимопроникновения, глобализационная же модель все же подразумевает выравнивание и стирание национальных отличий до единого универсума, а возрождение это всё же поисковик, но не потребитель, не ассимиляция и – ни в коем случае не толерантность.

11/01/2017

Думаю о симулякрах. Они бывают такими (мне кажется или – и в самом деле нынешняя информационная мировая реальность состоит из них? – а возможно, что это и есть её суть):

1 порядок – отражение базовой реальности. Класс копий – например, портретная фотография.

2 порядок – последующее искажение и маскировка данной реальности. Класс функциональных аналогий – например, резюме или грабли как функциональная аналогия руки.

3 порядок – подлог реальности и сокрытие непосредственного отсутствия реальности (где больше нет модели). Знак, скрывающий, что оригинала нет. Собственно, симулякр.

4 порядок – полная утрата всякой связи с реальностью, переход знака из строя обозначения (видимости) в строй симуляции, то есть обращение знака в собственный симулякр. Знак, не скрывающий, что оригинала нет.

Графоман – это поведенческая, а не качественная, характеристика. Графоман – человек многопишущий – а далее идёт разделение по целепологанию и в одном случае для меня это положительная конотация, а в другом отрицательная. Графоман качественный одержим страстью к тексту, графоман поведенческий – страстью к земной славе.

15/01/2017

Некоторые моменты о литературном проекте «Вещество». Важны следующие основания: 1) В начале было слово и слово есть единственное вещество творения .

2) Необычная оптика взгляда, субъективное преломление тематики – в первом выпуске словотема «Камень».

По Платону: идея – это большая/подлинная вещь, которая совершенна, а воплощение идеи - всегда «малая вещь», которая имеет черты индивидуальности и по этой причине не оправдывает нашего ожидания идеала. Запись во имя утешения и утишения.

Есть люди с которыми можно не разговаривать, но важно знать, что они присутствуют в нашей реальности. Слова вообще менее информативны нежели молчание между ними.

Непонимание – это единственное, чего человеку не дано избежать, поскольку понимание – субъективная категория и, как это не парадоксально, разделяющая субъекты, так как понимание подразумевает разделение, а вот непонимание нас объединяет – как скажем непонимание и сама невозможность понимания того, что такое Бог, создаёт веру и церковь.

16/01/2017

В стихотворении и метафора, и звук равноценны. Это, как со зрением – оно не бывает точным, если видишь только правым, или только левым глазом. Полная картина возможна только при здоровье обоих глаз.

Ольга Сedaкова на лекции о Тарковских - «в поэзии главное - не смысл высказывания, а его сила, не значение слов, а их значительность» (допускаю, что это не прямая речь, а искажение ретранслятором).

Пожалуй, что здесь я не соглашусь с О.С. Поскольку в её формуле присутствует разделение единого монолита (нецеломудренность, по церковному). Важны и смысл, и сила, и значение слов, и звучание - а вместе они создают значительность высказывания, а в противном случае - все мы впадаем в ересь, которая есть раскол.

С. рассматривает эти категории нецелокупно – я же считаю, что они единое целое и только вместе способны создать артефакт.

Если же здесь речь «о понятности и непонятности», то стоит осознавать, что названное – это субъективные категории, которые не имеют собственно отношения к артефакту, но к внимающему/исследующему субъекту (и степени его погружённости в основание, на котором жидется артефакт, но это не характеристика, собственно артефакта, а характеристика зрителя.

При этом, в моей оптике, любой артефакт так или иначе состоит из себя самого и своего зрителя - повторяюсь у О.С. понятия пространственно разделены, а для меня все эти понятия атомы целого или устремления к целостности артефакта и зрителя.

1/08/2017

Возвращаясь к одной из вчерашних записей, с возрастом – физически чувствуешь, как слетает шелуха значимости многих вещей и идей, которые прежде казались крайне важными и определяющими решение экзистенциальных вопросов (ценность публикаций, одобрение проектов, соответствие ожиданиям социума, успешность и прочая и прочая). И вот сидишь на берегу Сугомака или у себя, на веранде и слышишь, как вся эта шелуха шуршит под ногами у тебя – а вокруг стоят глыбы воздуха и света, и этого становится достаточно, и оказывается, что это и было твоей целью, и понимаешь, что это правильно и хорошо – потому что достаточно.

2/08/2017

Сергея Ивкин написал: «Поэт как человек интересен лишь другому поэту (выяснить или скоординировать стратегию выживания), для всех прочих он либо функция, либо недоразумение».

А вот я бы поспорил – скорее совокупность поэта и человека интересна лишь поэту, а вот – как человек – он может быть равно интересен или неинтересен другому человеку, который может быть, как поэтом, так и не-поэтом. То есть я бы избегал выделения функции в отдельный биологический вид – то же самое, что доказывать теорему о длине и зелёности крокодила.

Есть в самоидентификации себя поэтом какая-то попытка самооправдаться, а – зачем? чаще всего это приводит к углублению «внутренней хвороты». Быть христианином – это тоже не профессия (хотя некоторые пытаются быть профессиональными христианами), но это же не отменяет того, что они люди и именно, как люди, могут быть интересны другим людям от тех, кто принадлежит иным верованиям и до атеистов. В принципе те, кто занимается поэзией, сейчас также принадлежат определённой религиозной практике. Это я к тому, что ставить в зависимость человеческое общение/социальную адаптацию со своим призванием – это не совсем верно и скорее всего не точно.

Все мы, человеки – компьютеры любви (правда, как правило, неисправные).

Пьяную речь имеет смысл слушать – как электрошок. Там иногда такое всплывает. Вообще, конечно, чего мне нынче не хватает в поэтах – это «не-рефлексивности» (ощущение бывает, что вся поэзия состоит сейчас из рефлексий и гамлетовщины) – хочется целокупности, но её мало (хотя, возможно, что есть). Наив – это простота, а абсолютная простота – это Бог.

Из кодекса царя Хаммурапи: «Посмотришь на него — человек как человек, а внутри – город, дымящийся в руинах».

3/08/2017

Сегодня в Кыштыме вырубili электричество (ну и Интернет, соответственно) на 10 часов. Было хорошо.

Каждый из нас [во всей своей полноте] стихотворение – кто-то трагедия, кто-то комедия, кто-то фарс, а бывает, что и эпос (это кто какой формат для себя выберет).

7/08/2017

В какой-то момент понял, что исчезнет в этом мире всё, но останется звук, который мы улавливаем и пытаемся отобразить что-то похожее, но это всё равно ксерокопия (разной степени близости к оригиналу), а когда мы сами станем этим звуком – какая нам разница будут живы репродукции или нет, если мы будем уже частью самой картины, то есть оригинальной симфонии?. Это я к тому, что можно ценить себя, как слушателя, а можно ценить услышанное. Второе мне кажется и логичнее, и благодарней.

Наша свобода в выборе несвободы.

8/08/2017

Думаю, что значимость толстожурнальных публикаций в данное время сильно снижена появлением иных форм легитимации авторов (например, возможностями мгновенной доставки текста своей персональной целевой группе потребителей через ФБ (или иные соцсети) или ежемесячным появлением новых электронных литературных ресурсов и множественностью бумажных арт-проектов, в том числе через POD-технологии. Допускаю, что вскоре на одного автора будет приходиться свой персональный критик, свой персональный журнал, и свой персональный читатель. Как говорит Дима Арлис – сие следствие демократии. И тут я склонен с ним согласиться в определении причины. Вообще считаю оптимальными с точки зрения перспективы развития литературы – жесточайший тоталитаризм, только в этих условиях зёрна и плевела распределяются по своим фракциям – причём в начале, плевела занимают место на виду, но через

некоторое время здоровые зёрна про/вы-растают и занимают положенное им место, через некоторое – в рамках истории, совсем незначительное – время. В общем – хрень все эти публикации (особенно в тех журналах, редакторы которых вас знают и любят, и формат которых соответствует вашему вектору. А единственная самооценка, которая возможно в таких условиях – это приятие ваших текстов очень узкой и значимой для вас референтной группой, то есть сейчас поэзия способная расти только во внутренней эмиграции и по преемственному принципу – «из уст в уста».

9/08/2017

Пока шел сейчас из дому до офиса подумал, что мудрость и ум – это сущностные антонимы (хотя бы от того, что источники их разные, а ещё потому что быть умным и злым вполне возможно, а вот быть мудрым и злым ну никак не получится). Для меня доброта – это мудрость, а мудрость – это добро.

Центр радости, как оси мира пишущего, должен находиться не в фактах публикации, а в метаморфозах текста. Факт публикации где-либо ныне мало что меняет, поскольку лишь один из методов управления матрицей/системой нами. И в этом смысле каждому из нас необходим внутренний джихад – в значении трезвение о себе. У автора всегда есть выбор, что для него важнее: чудо взаимоизменения текста/автора или мишура публикации (для меня важнее первое - поскольку оно не является частью какой-либо технологии).

Я бы не путал получившийся текст (от которого есть радость встречи) и публикации этого текста. Тут на самом деле феномен прустовского «мира имитаций» - имеет ли смысл ставить своё существование в эмоциональную зависимость от имитаций, то есть сталкивания твоей поверхности с чужими поверхностями? Не уверен.

Публикация же обычно подтверждает, что у тебя и издателя/редактора общая степень слепоты.

16/08/2017

Думаю, развлекаясь, о слове «посредственность», которое можно толковать двояко. Первое толкование м. исходить из слова «среда» – то есть средняя температура по палате, а второе – из слова «средства» (в значении – стратегические внутренние запасы человека). Последние, как мы понимаем, неисчерпаемы – но человек, как существо ленивое – не зачастую даже пытается провести «предварительную георазведку», не говоря уже о разработке этих внутренних ресурсов. Таким образом – посредственный человек может быть и гением или пассионарием (в случае если приложит некоторые внутренние усилия, предпримет определённые действия), а может быть и человеком, которого формирует средняя температура среды обитания. А теперь приложим записанное выше к современной русской поэзии, ресурс которой почти ещё абсолютно не разведан. Всеядным быть не надо – для того и написано, чтобы мы не обольщались о современной поэзии, которая по сути своей вполне посредственна – в значении ленива.

17/08/2017

О последнем суде. Мне кажется, что правильнее искать не оправдание, а прощение – а оно начинается с того, что ты всё же видишь этот холм и факел суда, то есть с обрушения врожденной собственной слепоты. В связи с этим вспомнилось, как первый человек и первая женщина прозрели, вкусив плод. Так вот я думаю, что на деле они ослепли в этот момент, то есть обрели «плотское зрение». От того они и прячутся от Б-га под кустом (то есть плотью) – раньше смотрели и видели мир сердцем, а теперь глазами – а значит (сейчас будет мой теологумен) – они обретя ум, утратили мудрость. И в этом подмена от врага нашего.

По следам одного частного разговора сформулировалось следующее: прежде, чем предложить мне работу или сотрудничество по какому либо литературному проекту или конкурсу, вам имеет смысл чётко сформулировать: концепт конкурса/проекта, чтобы я смог понять не является

ли он умножением очередных лишних сущностей, то есть понять цель, целевую аудиторию, результат на выходе - и отличие от иных конкурсов + то, как вам видится сотрудничество со мной (что вы ожидаете от меня - и, что мне ожидать от вашего проекта). При условии соблюдения этих простых условий, и моём согласии с концептом, а также взаимными ожиданиями, я соглашусь работать совместно - а в противном случае не обессудьте. Времени осталось не так много. Будем жить.

19/08/2017

Когда в (около) литературные споры добавляют суд, как аргумент – хочется сказать о другом (и единственном правом) суде, о котором стоило бы уже всем нам подумать? а он, по крайней мере, частный, наступит скорее, чем каждому из нас кажется. А здесь на земле, каждый из нас не прав, но – по своему.

Бывает и так, что болячка и человек становятся одним целым или вообще болячка замещает человека. это весьма прискорбно, то есть неизлечимо.

20/08/2017

Третий день, читая ленту, думаю о челябинских спорах. Впрочем мысль одна – нельзя же быть такими идиотами (анекдотами) всем подключенным к этому спору. Всякие гнилые и оксюмороны гложут рядом с местным беккетом. Посмешище с каждой из сторон. Кстати, Виталий Кальпиди всегда игнорировал подобные провокации, поскольку понимал (ет), что оппоненты его находятся в другой – никогда не пересекающейся с ним – реальности. И мне представляется, что только такая позиция и достойна.

21/08/2017

Для того, чтобы ощутить дыхание – надо лишиться воздуха.

22/08/2017

Заметил, что чем старше становится пишущий человек – тем короче его справка об авторе. Вот у меня в прилагаемой к подборкам сейчас 2 строчки. Надеюсь, что в итоге будет только 2 слова (а если сильно

подфартит, то и одно). Ты – то, что ты сделал в этой жизни с ней и с собой, а справки из психбольницы /земля/ ну никак не помогут.

23/08/2017

Обида на кого-либо это всегда лишь обида на себя самого, что ты не смог (оказался слаб) полюбить/простить того на кого обижен.

Не оправдать – простить – отпустить обиду. Оправдание всё же подразумевает припоминание. Надо понять, что наши отношения с другим – это не судебный процесс «истец-ответчик», все мы в итоге ответчики, да и сами мы в своей обиде (самим её фактом) уже несправедливы. В любви же все свои.

О современном литпроцессе. Вкусы культивируемые им - весьма посредственны (это я о соотношении и выстраивании его оси и периферии). Сугубое мнение читателя.

Русская поэзия движется только, когда в ней появляются идиоты, то есть те, кто не встраивается в норму – в среду, а вот затем этот чернозём разрабатывается в пыль, и нужен новый идиот. Хочу читать идиотов. Поэзии нужны те, кого иногда ненавидишь, которые ломают твои представления о небесной механике.

В литпроцесс входит всё, но различаются стадии: первая - большой взрыв, второй выстраивание материи в некоторые формы, третий - омертвление материи. Задача системы в том, чтобы клонировать себя, чтобы не умножать смыслы – а чтобы поддерживать стасис. И это ей вполне удастся, потому что комфортнее встроиться, освоив чужие технологии на уровне конвейера, а не быть идиотом. Вселенная же движется только через чудо, прочее это энтропия.

Эта запись не о журналах, а о том, что в среднем общем большинстве у нынешних поэтов есть технологии, но нет чуда.

24/08/2017

Замечу, что лучше всего посредственность нынешнего литпроцесса заметна в его критической части. Оставляя за пределами нашего взгляда обычные лапидарные рецензии, скажу, что скорбь вызывает то, что модель 80-х противостояния т.н. почвенической литературы (кот. ныне точно симулякр) или её тени - традиционной литературы и т.н. модернистами / постмодернистами продолжает существовать и поныне. То есть современный критик не обозначает реперные точки процесса, а продолжает блуждать в созданной почти 30 лет назад модели или в рамках своей корпорации. Понятное дело, что без «новых споров о новом» - ничего хорошего нас не ожидает. Садовники (то есть критики) всё продолжают свой путь за секаторами, но никак не могут дойти до них (за редким исключением). Вообще критика теперь состоит в чём угодно, кроме критики, как я её понимаю. Таким образом - если из авторов я, как читатель, нуждаюсь в идиотах, то в критике в хулиганах и шпане, в «неистойой призме».

25/08/2017

Благодаря своему земляку, подумал: поэзия существует не для того, чтобы быть услугой (или же удовлетворять) филологов. Не стоит путать вторичное и первичное, потому мнение филолога о том, что такое поэзия или что такое «поэтическая ошибка» всегда отстаёт. И – как минимум – на десять лет, а чаще на столетие.

26/08/2017

Вчера вечером внезапно прислали мою первую библиотеку – ту, которая была собрана до 92 года – вот сижу разбираюсь теперь с книгами (их много - скажем скромно такъ) - придётся делать пристрой к дому.

27/08/2017

На сон грядущий подумал (опять почитав ленту ФБ): ну вот помрёт персонаж, который является осью УПШ (все мы смертны) и ведь этот феномен исчезнет, поскольку в строгом смысле слова эта школа не

является школой, а только лишь торговой маркой, под которой можно продавать любое говно и всё равно пипл схавает, а марка эта обеспечена не нами, а 6-7 поэтами начала 80-х – ну многие из нас и присосались к их теням, как пиявки. Хотя наследственных признаков у бастардов не наблюдается, что бы не говорил про это второй рг-менеджер этой наклейки в стиле джинс «Левис Браун» (работа у этого менеджера такая – а там что трикотаж, что поэзия – главное, чтобы говорили). Вообще я полагаю, что когда некое сообщество, проживающее в одном времени или месте, объединяются и влияют друг на друга (через отталкивание или сближение) – это нормально, как и всякие течения или школы – иной вопрос, что здесь происходит искусственное прикрепление всех к единому организму просто на основании общего региона проживания – и мне это кажется глупым и недалёковидным, то есть тактически регион выигрывает, но стратегически проигрыш Урала неминуем. Но это мало кого заботит – из тех, кто себя заключает в эту торговую марку. Меня это печалит. Ну слегка, конечно, но есть немного.

28/08/2017

Уральская поэтическая школа, будучи в своём начале мощнейшим допингом для развития – сейчас становится тормозом для дальнейшего развития литературы в регионе, как рак - она подминает под себя всё и вся - и это нехорошо Нельзя всю жизнь проходить в ползунках и в манеже. И «вундеркиндов» нужно сечь» (с).

Вчера пока копал картошку, часа два размышлял о неизвестных нам святых, которых мы здесь таковыми не считали, а там – как мне кажется – они восседают к Сыну ближе, чем апостолы. Думал на самом деле о Андрее Пермякове.

Это про то, что я сомневаюсь в нашем зрении, а не Его всеведении. Тут как раз запись о полном доверии Богу и сомнении в человеческой оценке того или иного человека. А Андрей [Пермьяков] просто шёл в этих мыслях параллельно - по многим причинам и тут 2 параллельные прямые сошлись/

29/08/2017

Самым важным для меня в поэтической речи – степень её поверхностного натяжения. Она не должна пускать в себя второго, но должна звучать, как натянутая струна и заставлять себя слушать. А теперь вопрос – много ли такой речи вы слышите / читаете сейчас? Честно признаюсь – я в этом смысле (как читатель) убогий – мне преимущественно попадают либо «расслабленные» (паралитические) тексты, либо тексты, которые не выдерживают своего натяжения и разорванные им, которые в середине своей, а которые к завершению (как скороговоркой завершают диалог). В какой-то степени – это мера и того, как я оцениваю свои стихи, которым крайне редко удаётся создать возможность ходить по своему воздуху (но всегда есть возможность вернуться и предпринять очередную попытку).

Думаю о «уралмашевской статье в Неве». Вот про этот фрагмент, который представляет собой явное проявление прелести, в которую впал автор, и гордыни. Очень сложно бывает отличить пророка от безумца – лихорадка внутренняя почти одинаковая, но первый движим любовью, а второй – внутренней необходимостью обличать и судить, то есть отрицанием несовершенства нашего зрения. Увы, мне кажется, что это провал, а то, что автор говорит про Уралмаш – это он зря, с моей точки зрения это как рай, в котором праведник греется в лучах действия Б-га, а грешник ощущает ожоги от тех же самых лучей. Всё потому что источник ощущения внутри субъекта, а не местности. Всё прочее в статье не заслуживает внимания, потому ссылки на неё не будет. А это сам фрагмент, вызвавший необходимость реплики:

«Полагаю, что нарисованная картина может показаться излишне субъективной только душевному человеку с его либо незрелым и поверхностным, либо поврежденным и предвзятым умом, не подозревающим о существовании права духовного человека судить обо всем. Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуместь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный судит о всем (1 Кор. 2, 14-15). Душевному человеку,

вероятно, трудно будет понять и то, что бывают времена и обстоятельства, когда чье-то право «судить обо всем» превращается в долг. И тогда заканчивается время молчать и наступает время говорить о сокровенном как общезначимом и об общезначимом как о сокровенном»

30/08/2017

Думаю, что пока не разъяснил первый тезис (речь о предпоследней записи), продвигаться ко второму не имеет смысла. Оттого выношу ответы в отдельную запись.

1) прежде, чем увидеть источник света – мы видим освещение и осязаем тепло или холод, исходящие от него, прежде чем начать диалог мы слышим тембр голоса, а не смысловую компоненту.

2) смысл речи собеседника может быть понятен только по прошествии некоторого времени нашего пребывания с ним – иногда довольно-таки продолжительного, потому любой текст герметичен (хоть и в разной степени) – что не мешает нам понимать, что в этом тексте есть притягательная осмысленность, которую мы пока (при первом прочтении) воспринимаем лишь, как выхваченные звуковой вспышкой фрагменты темноты.

3) поэтическая речь для меня – это искусство ходить даже не по воздуху, а между воздуха – идти под дождём и оставаться сухим (это я пока не буду объяснять).

Не могу признать внутреннюю оппозицию за бессильную – в драке (точнее в преддверии драки) страшнее тот, который молчит. При любом раскладе спасать мир бесполезно и бессмысленно, но можно попытаться спасти себя или хотя бы себя в своей руке. А для этого надо а) помолиться б) рано встать и работать, как будто производишь и несёшь своей работой молитву.

5/09/2017

Какая прелесть! Сохраню для себя этот заголовок «В Челябинске пройдет воркшоп по нетворкингу для бизнесменов, топ-менеджеров, предпринимателей». Вопрос на засыпку сколько русских слов в заковыченном предложении?

6/09/2017

Сегодня младшая дочь написала, что живёт в столице России – Кыштыме. Подумалось: очень точное мировоззрение.

Юлия Мирская из Владивостока написала вот, что (про «настоящесть» для меня самое важное – стихи уйдут, а сухой остаток будет):
*«Но имя чудно! – что тебе с него? – на поиски ты вышел спозаранку,
 и – видишь, как убогая свирель зализывает словом твоим ранку (А.П.)*

Для меня Петрушкин – поэт из разряда «Ничего не понимаю, но крут по наутику», и поразил больше в человеческом смысле – совершенно настоящий. Из тех, с кем можно молчать и в молчании мощь чувствовать. Поэтому сегодня – понять, о чём пишет Саша, дано мне будет еще не скоро – немного грешу против истины, размещая в «открытия года». Пытаюсь приблизиться.

И «Белый шум» подаренный – вдоль и поперёк, и «помощь зала» : к кому только с просьбой – помогите разобраться – не стучалась...

- Послушай, я почитаю, а ты скажешь, - попросила недавно сына, - мозги у тебя устроены по-иному:

*СтОит и петь и плыть, и грести сквозь снег,
 воздух оставив нитям, камням, вора
 там, где идём по мостику из воды
 или часы, как песок, под водой хрустят.*

*- Ну, и что тебе непонятно? Ты только представь картины, сменяющие одна другую, наползающие друг на друга. А если ещё музыку хорошую подложить - какой замечательный мульт сделать можно. Шедевр!
 - Но поэзия – не мульт.*

- Нет, ты не понимаешь! Это потому, что тебя, как и многих других, нашли в капусте, а его – совсем в другой приправе.

Наверное. Хотя, что «часы, как песок, под водой хрустят» уже ощущаю всей кожей.

Пытаюсь приблизиться.

11/09/2017

Получил первые пять экземпляров своего «Смотрителя». Хорошая, красивая книга. Семь лет стихотворений.

Каждая встреча с литературной тусовкой и её персонажами убеждает меня, что жизнь «на обочине» наиболее подходящая для меня. Выглянуть в окошко, перекинуться парой-тройкой слов, и – обратно к своей картошке. Только так и можно прожить долго.

12/09/2017

Подумал, что если присмотреться, то современный русский литературный процесс очень сильно напоминает развивающийся церковный институт: расколы, ереси, богословы (критики обслуживающие тот или иной её сектор) итд итп (масса общего – внимательному достаточно). Любопытно проводить аналогии. Хотя нет, нелюбопытно – предугадываемо. Стать алармистом и в леса, в леса, в леса.

Тут же вспоминается, что исходная точка у религиозного института и любой из форм искусства единая – может быть отсюда и общая матрица их развития.

Нынешнее время стилистически мелко – и запрос на этическую оппозицию отсутствует (а это только и заслуживает мордобоя).

В литературе я по юношески и инфантильно интересуюсь только текстом, а не раздачей бирюлек и бумажек (может быть поэтому для меня литературный процесс и есть).

Узнал, что в ЧО СПР - 80 членов на конец прошлого года. Возник вопрос - зачем и кто?

14/09/2017

О «Матильде».

Всё же скажу (и всё же получу с двух сторон) о фильме, который не смотрел и смотреть не буду (в первую очередь из-за того, что он на-

ходится вне зоны моего культурного интереса). Мне кажется, что мы имеем дело с классической ересью, когда страстотерпцы становятся больше собственно Христа (а это неверно) – мы почитаем Николая Романова и его семью за страсти, которые они потерпели, но искупили ли они своей смертью все наши грехи здесь для меня сомнительно, также мне сомнительно, что это перед ними нам держать ответ за своё говно, сделанное здесь. Ну не надо ставить последователей впереди поводыря, а тем паче нарушая заповеди, данные пастухом - лукавый именно и работает на таком искажении / приближении. Простите, но мне кажется, что тот, кто защищает императора (а он нуждается в нашей защите? или всё таки это мы просим его о защите пред ликом Господа) – делает ошибку, поскольку единственное, что нам положено защищать это наше сердце от впадения в озлобление - в общем-то это именно то, что и было сказано нам. На этом всё. Простите.

16/09/2017

О «Дебаркадере». Великолепнейший образ перевёрнутой, и вывернутой наизнанку, вавилонской башни, лестница которой вовнутрь. Как обратная киносъемка библейского сюжета о разделении и отчуждении языков и людей. Та же самая башня – одновременно железнодорожный вокзал, где каждый говорит внутри своего шара (внутри своего отчуждения), оставляя нам обрывок своей речи, осколок шумерской таблички и исчезает в небытии, спускаясь в тартар, где некоторое время расходует на преодоление отчуждения. И вот, когда каждый шар оказывается в общей лузе, в неосмысленном белом фоновом шуме – башня вавилоня переворачивается и становится песочными часами – и остаётся только речь, единая и осмысленная. И тогда ты понимаешь суть всего, что происходит у нас и понимаешь, что актёр один и это не каждый отдельный шар, а собственно речь, которая пыталась (и ей это удалось) обрести целостность (которая и есть Большой текст). Это я про открывающий второй день (язык не проворачивается в скважине) перформанс. Ну это я так увидел и понял его. Вся история литературы в 3,5 минуты. Мне очень. Записал, чтобы не забыть.

Оказалось, что основная причина и цель поездки - встреча и разговоры со старшей моей (Таней то есть). И это хорошо, потому что правильно.

Стихотворение вообще делает видение более резким (в смысле отточенным) и имеет периферийное зрение, включающее в снимок то, что автор мог и не заметить, ибо не насыть.

17/09/2017

О «Дебаркадере». Кроме всего прочего (в нагрузку) почитал свои стихи в программе молодых поэтов Урала. Собственно и ехал, чтобы послушать их. Ощущения странные – в целом вполне крепко сконструированные тексты, в которых не происходит чуда (ну вот для меня. не сходит благодатный огонь) – причём, если убрать авторские интонации, то есть прочесть их [тексты] одному чтецу, то авторского различия не будет. Плюс то, что я – в порыве первичной оценки – назвал бы спермотоксикоз или спермонедеятельность (в зависимости от пола). Тут стоит заметить, что я делал скидку на возраст свой (псевдо-старость) – но поговорив в курилке с Ростиславом Амелиным – выяснил, что моя старость и моя оценка не имеют корреляции меж собой. Но, проснувшись утром, пришел к выводу, что и моё поколение условных сорокалетних, до 25 лет тоже имели те же болячки – в общем угри, но угри в итоге уплыли и отнерестились, и благополучно померли – это и правильно, и природно. Так что на молодых авторов я в итоге не обижаюсь. Хотя и выделить среди них (незнакомых) никого для себя так и не смог – подождём ещё лет пять и снова наведем резкость. А сам читал с ощущением ваты во рту – без вдохновения (но это было мной от себя ожидаемо – в последнее время не люблю читать большой (больше одного) публике свои стихи.

19/09/2017

Пока неразборчиво к вопросу/тезису Андрея Таврова, что «Сколько поэтов свидетельствовало, что сталкиваются с тем, перед чем бледнеет речь, что нельзя описать! Эти трогательные жалобы длились, кажется, до 19 века, а потом исчезли вместе с их неосознанным целомудрием».

Собственно мой комментарий: иногда слепота, вызванная излишним мельтешением кадров, не позволяет нам увидеть то, что мы не можем описать, и потом нынешний человек старается не проявлять свою сентиментальность (причисляя её к слабости), а особенно на людях. Тут я вспомнил бы Виталия Кальпиди с его «Человек, родившись, должен как можно быстрее научиться думать как можно медленнее, ибо энтузиазм в познании противопоказан». Ну и вообще, как мне кажется, поэзия – это и есть признание того, что есть нечто, что невозможно описать, по крайней мере в моём клиническом случае это так.

Чтобы осознать этот факт нужно встать на позиции религиозного сознания, а это ныне считается чуть ли не стыдным (по крайней мере белый шум создает именно такое ощущение) + сложно моим современникам и коллегам понять, что «раздвижение границ эстетики» зачастую обозначает её сужение. И для первого, и для второго нужна определенная степень бесстрашия (в значении – мужество), а нынешний представитель нашего вида – скажем так – трусоват.

Природа не бесконечная - она ограничена пузырьком Большого взрыва, а вот описание того, что включает в себя этот самый пузырь действительно недостижимо, то есть то что перед буквенным текстом бережита - перед вот этим знаком «}».

Теология изучает (пытается осмыслить) то, что находится за пределами творения, а космология то, что в пределах творения – по этой причине противоречия между ними нет, кроме как в головах у атеистов.

Я про то про, что не стоит смешивать природу и Бога, первое конечно (даже при максимальном количестве вариаций и измерений), второе не может быть измерено, поскольку находится вне пределов нашего познания: как скажем хоббиты не могут познать Толкиена и его сущность, поскольку сами являются лишь одним из проявлений одного из его действий. Я только про это. Космология тоже интересна, но более познаваема, то есть мы не можем узнать - располагаясь во времени, то, что было до времени.

20/09/2017

Вчера в диалоге-комментариях под одной из моих записей возникла очень точная метафора искусства: Бытие это подвесной мост, который висит над хаосом (рекой) и стремится к своему завершению (которое неизбежно), а искусство – это необходимость бега по этому, обрушающемуся под ним, мосту к другому берегу реки. А вот культура – это, когда бегущий находит в себе силу захватить ещё несколько «спасающихся» под мышку и спастись уже вместе с ними.

Ремесло остаётся ремеслом (даже наиболее утончённое). Если рассмотреть, то разница между Сикстинской капеллой и покрашенным Томом Сойером забором не столь велика, как могло бы показаться (провоцирую). При любом раскладе возможность творить из ничего есть только у Одного, а тварь только пытается создать нечто близкое к сотворенному/наличествующему, а значит – ремесленничает. Более или менее удачно.

Всё, что вокруг нас – это продукт ремесла искусства – в той или иной степени массовости, то есть искусственно тварью вычлененное из небытия и введенное в круг бытия (это не только музыка, стихосложение, архитектура и проч.). Даже детский рисунок на песке палочкой это уже искусство.

Мне кажется, что есть в превознесении своего творчества над рисунком мальчика на песке - определенная высокая гордыня и самолюбование, забывание, что это всё не оригиналы, а ксерокопии уже созданного и замысленного (и не тобой). Даже дождь, который ты ощущаешь это уже искусство – причем более точное и сильное, чем кто-либо когда-либо смог бы записать, озвучить, нарисовать.

Я полагаю, что творец один а мы лишь вспышки, более или менее удачно выхватывающие малые фрагменты его творения, а значит копиисты/репродукторы - потому искусством/творением в истинном смысле занимается лишь творец, а не твари.

Безусловно индивидуальное усилие/устремление важно в творчестве – но при этом надо понимать, что каждый пишет свою «Сикстинскую» и не беда, что у одного получается забор, а у второго Ватикан. Ценно само устремление и исполнение, имеющейся в тебе ноши, то есть по притче о талантах. ЗЫ: я встречал табуретки, которые были прекрасны.

В любом случае, и строители, и Сойер внесли свою лепту в мировую культуру. Так что любое ремесло – от создания великих шедевров до шитья подушечек для иголок – приносит практическую пользу как потребителям, так и изготовителям.

Я люблю читать и перечитывать 4 том ПСС Ольги Седаковой, но как только дохожу до сквозняка латинянства в её интервью или эссе – меня просто физически начинает «колбасить». И вот мне интересно – это уже окончательная стадия моего фундаменталистского мракобесия или ещё откуда-нибудь постучат?

8/10/2017

Согласен. И давно. Стив Возняк: «Когда-то мы со Стивом Джобсом мечтали создать гаджет, который сделает незрячих людей зрячими. Но сейчас, когда я вхожу в метро и вижу, что все сидят, уткнувшись в свои телефоны, — понимаю, что мы сделали всех зрячих людей незрячими».

9/10/2017

Думаю о том, что пишу плохие стихи, то есть всегда имея в уме, что придёт время и вернусь к их черновикам и перепишу набело. Но это неправда. Или времени не хватит, или навыков, или первоначальной энергии, которая создала эти словесные сгустки. Бытийное положение изменится, не дожидаясь пока я разберусь с собой. И это не то, что хорошо, но правильно – пусть такими они и будут дикими и непугаными, и неприрученными. Записал, чтобы зафиксировать и потом вспомнить, что и плохой текст хороший, даже если оставляет занозы. Особенно, если оставляет занозы.

Глядя финальные кадры «Бегущего по лезвию», восклицаю «это же архитектура Катеринбурга, берег Исети!». В подтверждение этого утверждения – главный герой присаживается на заснеженные ступеньки и ... достает чекушку и пластиковый стаканчик. Впрочем, это уже остаётся за кадром. Вот так, сходили с Наташей в кино.

Я люблю «медленное» кино, которого сейчас почти не снимают, то есть фильм понравился мне.

10/10/2017

Мы, конечно, всегда готовы обманываться о себе и про себя - что у нас всё в порядке и сами мы вполне достойные люди (человеку свойственная врождённая слепота о себе, чтобы не удавиться здесь). А вот приходим мы после смерти «готовые к райской, по заслугам, жизни», а там тропинку пройти надо из зеркал, в которых всё про нас записано и из каждого из них такое мурло глазеет на тебя - всё, что ты о себе от себя прятал, забывал поскорее. Пройти то можно до той, обновленной жизни, а можно и окаменеть, глядячи на то, что прятал от себя. Может быть это и есть ад - узнать себя в этом зеркальном лесу, всю правду и остаться наедине с собой. Ну вот как-то регулярно в последнее время думаю про это. Это я к тому, что не стоит верить тому образу, который мы стараемся составить у других, как в виртуальном, так и в реальном пространстве. Всё же рг - это от бесов.

Смирение поднимает нас к тому, кем было дано всё, что есть в нас (благодарность – это шарик Вини-Пуха) , а самоуничтожение - это перевёртыш, который заставляет нас искать недостаток в себе (по форме воплощения они похожи, но по сути нет, поскольку в первом случае мы ищем наполнения, а во втором ставим пробку на горлышке, чтобы не потерять ещё что-нибудь, а значит и свету не найти входа, а, когда свет находит нас - в начале появляются ожоги и лишь затем исчезает псориаз, который мы доселе не замечали на себе, хотя и носили, как одежды).

Как правило, к разборкам с самим собой приходят только наиболее больные. Ну, а если говорить в христианской парадигме, то ключевые святые получались именно из грешников, гонителей, блудников и прочая – а вот из тех, у кого была средняя по палате температура, мало кто приподнял себя из своего гноища.

11/10/2017

Мне кажется, что в нашем сокрушении о чьей-то «безвременной» смерти (хотя бы и на исходе человеческого века) есть элемент нашей гордыни и бунта против замысла сами-знаете-кого (недоумение человеческого взглядывания в бытие, не достигающее его горизонта). Радоваться надо, а скорбеть о себе, кто замысел ещё не исполнил. Маргиналия себе на лоб.

О воскрешении Лазаря и скорби ИХ о смерти его. Во времена до спасения, все люди отправлялись в Шеол или Ад, так что в данном случае скорбь скорее была о участии друга, и это как раз нормально. А сейчас - ада нет, поскольку он разрушен схождением в него Христа (хотя и рая нет поскольку он разрушен грехопадением). Плюс к этому в Христе было две природы - божественная и человеческая, потому то, что мы видели было проявление его человеческой природы, а божественная природа была явлена в воскрешении Лазаря.

Бог смерть не сотворил - а значит её и нет, как и нет причины скорбеть о человеке, который просто завернул за угол, несколько опережая нас. всё равно догоним

Из диалога в ФБ: Смерть первая – это ещё не смерть, а смерть вторая – это та, которую мы себе соделаем здесь (кстати, замечу, что все цитаты о смерти, приведённые вами из ветхого завета, как будто и не было нового завета, который даёт нам надежду на суд (а там, как получится). Стоит помнить, что Новый завет был дан чтобы дополнить Ветхий, то есть открыть ту калитку к вечной жизни, которая была за-

крыта до прихода Бога сына на землю. Ну и потом, как быть с тезисом Григория Богослова «что не воспринято, то не уврачено»? Иисус ведь был полностью человеком и полностью Богом. И исцелил человека - как думаете от чего? Мне почему-то кажется, что от смерти.

Вечность – сжатое в одно мгновение, то есть различия между них нет, в отличии от времени, но время преходяще, так что и думать о нём – мероприятие бесполезное.

А вот ещё вопрос /неделю уже думаю/ какие желания могут быть у того кто по настоящему всемогущ? Сегодня решил, что это может быть только желание ограничить своё всемогущество, то есть дать своим творениям свободу. Ну вот он вообще-то и дал. Далее следует долгое и путаное размышление о том, что мы с ней сделали, но я публиковать здесь не буду – пусть оформится до сквозняка.

14/10/2017

Одно из моих пониманий христианства: «от встречи с невестой не бегут». Это я к тому, что от встречи с Богом и Последнего суда христианину отлынивать, по меньшей мере, глупо – так же, как и бояться смерти первой. Вообще, вся наша надежда на то, что этот суд будет.

3/11/2017

Занятия в нашем ЛИТО строятся на 2 основных пунктах: стихотворение на заданную тему и творчество того или иного поэта. Вот три крайних занятия:

- 1) Глаз и Алексей Парщиков
 - 2) Пророк и Елена Шварц (это сегодняшнее занятие)
 - 3) Ленин и Андрей Тавров (это будущее занятие)
- Я доволен нашим ЛИТО

7/11/2017

А знаете (?) меня раздражает, что литература (впрочем и любое искусство) стало ныне частью маркетинга и менеджмента, т.е. практи-

чески выродилось, так здоровая ткань переходит в стадию ракового образования. При всём при этом я не имею ничего против маркетинга/менеджмента (как и против мух).

9/11/2017

Неожиданно обнаружил, что с 2003 года написал 97 текстов (стихотворений) за которые мне не стыдно. Доволен, как кот, добравшийся до сливок.

Прослушав очередную дискуссию о ноябрьских событиях и проч. – остаюсь при своем убеждении, что любое государство – бесовское творение и ложная парадигма развития человека, и беды наши от того, что мы считаем наличие системы неизбежным, создавая тем подуровни реальности (это я к тому, что антихрист пытается создать максимальное приближение к истине, но это всегда лишь имитация/подмена Божьего миропорядка, отсюда и движение по кругу, а не по прямой, как история Бога). Бежать надо - в провинцию (можно и не у моря).

11/11/2017

Сегодня отпрезентовал книжку у себя в городе - получилось вроде бы неплохо (первое персональное выступление в Кыштыме за 12 лет жития здесь).

13/11/2017

Почитав комментарии френда под постом другого френда о текстах третьего френда – скажу, что остаётся только посочувствовать тому из них, который полагает, что обладает эталонным литературным вкусом (что не совсем так) и прячется за «якобы нетолератность» и гамбургский счёт. Так вот – гамбургского счёта в литературе, как публичном пространстве, нет. Но есть во внутреннем пространстве каждого из пишущих – это и называется свой субъективный вкус. Одни любят морепродукты, а другие шашлык. Но и первое и второе - это еда. Это всё.

14/11/2017

Читаю Александра Ельчанинова. В частности (кажется мне важным): «Осуждением занята вся наша жизнь. Мы не щадим чужого имени, мы легкомысленно, часто даже без злобы, осуждаем и клеветаем – почти уже по привычке. Как осенние листья шуршат, и падают, и гниют, отравляя воздух, так и осуждения разрушают всякое дело, создают обстановку недоверия и злобы, губят наши души. Признак недолжного суда – страстность, злобность, безлюбивость от снисходительности к себе, непризнания своей греховности и требовательности к другим. Осуждение отпадает, если мы вспомним бесконечную нашу задолженность перед Богом. Наше немилосердие, неумолимость, беспощадность к людям заграждают пути Божиего к нам милосердия, отдаляют нас от Бога».

16/11/2017

Вчера в диалоге сформулировалось важное о себе и для себя: «я не люблю людей в большинстве их – от того и разочарование меня не настигает или приходит очень редко». Это, как врождённая глухота, которая позволяет не слышать то, что не надо слышать. Удивительно, но это позволяет иметь вид доброго человека, которым я навряд ли являюсь. За что прошу прощения. Ну и благодарен собеседнику, который вывел меня к этим размышлениям.

18/11/2017

Предположим, что рай всё же есть (ну я, по крайней мере, в это верю). Чем человек будет заниматься там вечность? подумал, что тем же, чем и здесь – трудом, единственное отличие, что труд этот будет не тяжёлым, не вызывающим усталости и пота, то есть будет таким, как он был задуман изначально до первого промаха человека. Как же называется труд нетрудный? Полагаю, что творчеством, которое воздвигает и сохранение сотворённого. Буду думать дальше. Кстати, в этом случает м. предположить, что ад – это отсутствие творческого начала в жизни человека.

19/11/2017

Подумал. Вообще в мировой культуре и искусстве наиболее детально проработан и рассказан ад, а рай присутствует крайне незаметно, периферийно, практически бездетально. Кого-как, а меня лично это убеждает в наличии рая и в нереальности /придуманности / человечности ада.

20/11/2017

Всё же в восторге от русского языка. Некоторое время уже думаю о термине обожение (есть такой в религиозной практике). Интересно, что при удвоении «ж/д» (тут прокладывается тропинка и аналогия аврам и авраам) - получается слово обожжение. И далее мне на ум приходит обжиг глиняных горшков. Вот, чтобы надёжно и полноценно вместить что-то в себя и хранить в себе – «кувшин должен быть обожжён» - то же самое и с человеком. Не прошедший все «технологические» процессы при соблюдении всех правил – человек не способен не только вместить Бога, но даже и просто заметить, что Бог где-то здесь рядом проходил. Записал для себя, чтобы не утратить нить.

22/11/2017

С интересом наблюдаю, как подходит ко мне старость:

- 1) моральные, этические, эстетические взгляды перестают быть гибкими и спорить о них (в значении - доказывать, что ты не верблюд, не ишак и проч.) нет никакого желания.
- 2) тексты, которые пишешь ты, теряют затемнённую – это означает, что осадок осел и вода чиста.
- 3) с иронией относишься к написанному тобой, к чужим претензиям на «звание высокого /большого/ поэта», к ленте достижений и публикаций, количеству подписчиков и прочая.
- 4) то, что происходит внутри, важнее того, что происходит снаружи.

27/11/2017

В именных премиях меня всегда смущает сам факт воровства {скажем мягче – присвоения} имени (Белого, Бунина, Волошина, Твардовского

и т.д. и т.п.) и более всего меня каждый раз при прочтении очередного списка в шортах или брюках, интересует, что сказал бы прежний носитель имени. Такой простор для фантазийных построений!

29/11/2017

По результатам краткого опроса, проведённого мной вчера имеет смысл зафиксировать исчезновение авторитета у литературных журналов (только один ответ обозначил журналы, как авторитет – да и то с оговоркой о качестве большинства публикуемых материалов). В остальных случаях авторитет был оставлен близким и друзьям. Это, как мне представляется, следствие того, что написание текста уравнилось ныне с кружками по кройке и шитью, как видом психотерапии. У каждого автора свой круг, которого он достоин, свой журнал, где его опубликуют. Вообще считаю, что это угроза существованию литературы, как искусства, то есть размывание берегов/авторитетов (которые и позволяют реке не стать болотом. Теперь о авторитетности для меня – 1) авторы/коллеги, под влиянием которых я формировался - Андрей Санников, Виталий Кальпиди, Андрей Тавров, Евгения Изварина (это из живых, через которых в том числе транслируются и «возможное мнение» о написанном мной других ушедших авторов (например - Алексей Парщиков, Роман Тягунов, Евгений Туренко). 2) литературное объединение моего города - здесь скорее работает авторитет народа, который позволяет не оторваться в виртуальные пространства от земли. 3) авторитеты «отрицающие» – это особый феномен (авторы, которые настолько требовательны к себе, что не называют себя поэтами, хотя и являются таковыми – даже если их тексты нам так и останутся неизвестными) – например, из покойных Дмитрий Кондрашов, из живых Игорь Дронов. Они обижают – но прислушиваться к ним полезно 4) Журналы и другие институции мне сложно сейчас расценивать, как авторитеты, ввиду отсутствия у них тоталитарности, нетолерантности и их множественности. Увы. Это я к тому, что в погоне за всеохватностью исчезло понятие «круг авторов журнала», а именно этот круг и обозна-

чал такую векторную характеристику, как идеология (а она должна быть, как шрамы на лице, которые собственно и делают из овала – лицо).

3/12/2017

Проблема человека в том, что центр его жизни переместился на периферию, то есть все эти социальные сети – не что иное, как вторая кожа. И чаще всего современному человеку важно не то, кто он есть, а то, кем он кажется. В общем, матрица уже с нами.

8/12/2017

Думаю: главное в литературе - вовремя и незаметно уйти. Тогда всё у тебя будет хорошо

14/12/2017

Прочитал у камрада о путанице между равноправием и равенством и подумал, что первая категория юридическая, а вторая из области такой семьи, которая должна быть, то есть у матери все дети равны (все её дети) и в этом смысле вторая категория для меня лучше и вижу я её через религиозную линзу. Так вот все мы равны перед Богом вне зависимости от достигнутого, и все мы перед Ним не равноправны. У нас перед Ним вообще никаких прав нет.

Думаю, что самое главное в стихотворении – это его черновик. И обретение электронного инструмента для работы с текстом собственно выхолащивает осмысленность большинства стихотворений (вот грустно, что путь стихотворения теперь окончательно оставлен на своей периферии, которая и есть сам автор текста). Это я полемизирую с «не надо заводить архива» - надо! надо!

18/12/2017

Сама по себе линейка «лучшесть поэтов» ложная. В итоге каждый из нас будет забыт (в том числе и поэты). Ну и точнее (стратегически) было бы соревноваться не с другими коллегами, а с самим собой секунду на-

зад – может быть тогда ты что-то поймёшь о себе и для себя – это более продуктивно, чем мышинные бега. В завершении их всех мышей ждёт мышеловка, но если ты поймёшь нечто о себе, то возможно и на треке сделаешь норку и «ускользнёшь» от предложенной ложной парадигмы.

19/12/2017

Думаю, что вообще заниматься словоплетением и ставить себя в наркотическую зависимость от него – это уже патология, так что здоровых здесь нет (просто у каждого свой диагноз на выбор – шизофрения, паранойя, маниакально-депрессивный, кататония, эпилепсия. При любом раскладе личностные нарушения. То есть – писать стихи/верлибры человек начинает, когда ощущает свою несамодостаточность и творчество во всех своих случаях (от Пушкина и Мандельштама до Пупкина) выполняет роль компенсаторной терапии. С точки зрения веры – это очень точная линия поведения - поиск выхода из своей нецельности.

25/12/2017

Из коротенький обзор для стихир. Итоги года - конкурс Большого литературного клуба. Сохраню для истории (кажется несколько не самых дурацких слов здесь есть - а самое главное почитайте очень небольшие стихотворения - они хорошие):

Приступая к краткому обзору БЛК, спешу напомнить, что сие мероприятие всего лишь конкурс, то есть соревнование по фигурному катанию. Соревновательность в поэзии для меня сомнительна, но то, что мы имеем дело с «фигурным катанием» меня несколько примиряет с действительностью, поскольку даёт возможность крайнего субъективизма в оценке представленных подборок. Шкала оценки стихотворений вообще (и конкурсных в частности – вполне выморочная и далее будет её краткое объяснение:

1. Поэзия для меня метод распознавания мира – точнее той его части, которая располагается между слайдов/кадров видимого бытия и собственно склеивает предоставленные нам видимые картинки в единое

целое. Иногда, всматриваясь, «места склейки» можно уловить – в эти моменты мир проявляется таким, какой он есть, а не таким, как он кажется, а одной из линз для правки нашей оптики и является поэзия.

2. *narrative verse* в её современном российском изводе мне кажется наименее продуктивной и наиболее переполненной симулякрами – в связи с перенаселённостью данной местности. Не секрет, что легче всего спрятаться в большом городе, чем большинство из нас и занимается. Но всё же я убеждён, что сердцевина поэзии – это не повествование, как перечисление фактов, а повествование, как фиксация изменений, происходящих внутри этих фактов. Различие примерно, как между археологией и философией истории. Если в этом пункте я буду не понят или не принят, то это нормально.

3. техничность текста – я избалованный читатель и люблю, когда правой пяткой чешут за левым ухом. Полагаю, что самая большая беда современной словесности – всеобщая полуграмотность. Она создаёт у автора иллюзию, что он является автором своего текста, что его текст это часть современного и несовременного текстологического процесса. На самом деле это не так. Табуретка всегда остаётся табуреткой, а Сикстинская капелла остаётся капеллой. И это нормально. Для одних занятие поэзией это вид психологической самопомощи, как клубы анонимных алкоголиков или кружки по кройке и шитью, или метод развлечения, как покер, шахматы или футбол. Для других – это метод познания мира или границ языка. Кто из них прав? Бог его знает. Я больше на стороне тех, кто пытается создать Сикстинскую капеллу с той или иной мерой неудачности попытки избежать своей первой смерти.

На этом, пожалуй, и завершу обозначение линейки своей оценки представленных текстов

27/12/2017

Вот отчего-то подумалось, что для меня «выстраивание т.н. литературной карьеры» сродни предательству собственно литературы. Впрочем это вероятно вполне применимо к любому виду искусства или карьеры.

Валентин Баранов /Касли/

* * *

Город в огромной луне.
От одиноких машин
Лишь исчезающий звук...

В свете больших величин
Что-то не сказано мне...

* * *

Долго смотрю на окно:
Может быть, всё же мелькнёт
Тень от фигуры твоей.

В лунном свеченье ночей
Платье белело (давно).
Жизнь – как стрелы недалёт.

* * *

Чтоб не сказать ничего,
Долго по берегу шли...

Выжжен сияньем луны,
Призрачно цвёл каждый куст.
Дальних загадок полны,
Грезили тихо огни.
Видимо так корабли
Ночью влюблённых влекут.

Чтоб не сказать ничего
Долго по берегу шли...

* * *

Озера синяя кровь
Чашей небес пролита
В синие окна домов...

У небольших островов,
Где никогда не устать,
Бывшей деревни места.

* * *

Берег разнежен закатом...
Но по дороге домой –
Женщина в тихом окне...

Лишь проходя стороной,
Грусть понимаешь вполне.
Словно живёшь дубликатом.

**Алексей Иванов /Санкт-Петербург/
Слово***

Л

Лето, жара, Москва. Я стою голый на балконе восьмого этажа твоей квартиры. Кутузовский проспект, центр мира: 12-полосное движение, правительственная трасса, машины с воем проносятся днём и ночью. А напротив, через дорогу, на балконе седьмого стоит такой же голый мужик и курит...

Ю

Юность давно прошла, мои сверстники повзрослели, некоторые даже умерли, я же просто постарел. А что случилось с тобой? Как девочка с умными глазами, крепко обнимающая куклу на фото, потеряла вкус к жизни и стала бояться любого сильного чувства? Ведь так ты и не живёшь вовсе...

Б

Быт. Тяжело совпасть с человеком в быту, особенно если сам ты чертовски привередлив. Но ты переплюнула даже меня, ты не просто моешь посуду и ополаскиваешь её дважды, но ещё и натираешь бокалы до скрипа чистейшим полотенцем, а потом рассматриваешь их на свет: нет ли разводов. Я - не против, мне это даже нравится - пусть это невроз. Но с тех пор, как делаю то же самое, ты начала сердиться, а потом и вовсе перестала вытирать посуду.

О

Отношения...Что в них главное? Желание понять и помочь? Наверное, это. Но отношения – не литературный оксюморон, а так хочется прожить жизнь, как книгу. И «невозможное возможно, дорога лёгкая легка».

В

Волосы. Ты коротко стрижёшься, но твои волосы повсюду. Это бесит тебя, а мне нравится находить их после твоего отъезда на своей подушке, одежде, в авто.

Ь

Придумать слово, начинающееся (и заканчивающееся) на мягкий знак гораздо проще, чем достучаться до тебя. Но я ведь никогда ещё не сдавался без боя...

** отрывок из повести «Неотправленное письмо»*

Марк Столяров /Озёрск/

* * *

Обмакнул Бог губы в клейстер
и наклеил континенты-марки
на хлебного мякиша шарик.
Взмахнул ладошкой как капельмейстер,
выщелкнул пальчиком искорку-
появился волшебный фонарик.
/Солнце/.

Слезинкой нацедил океаны.
Ноготком мизинца скovyрнул
Марианскую впадину.
Примерным пунктиром поделил земли на страны
Пересчитал мысленно то, что Вселенной
им дадено....
...И все случилось на вечер шестого дня
Он сочинил её и меня.

* * *

Три чайных стакана водки
Натужно вибрируют краны
Мне снилось
что я плыву в лодке
А я
опять уснул в ванной.

ЗОЛОТАЯ ВОЙНА

Бабочки Армагеддона –
листки пепла
Вы прислали повестку, полковник
в скучный, сырой понедельник.
И мы снова будем сражаться
и резать друг другу сердце.
Золотая война в повторе
мой любимый, домашний полковник
И да будет война
золотая война...
Ты встанешь в углу скрестив руки
я буду в затылок пить водку.
/Небранный, еще с похмелья/
и слушать твой нежный ор.
Уставясь на дикторшу в ящик
отвечу:
«Ты дура, родная,
Славная, но все же дура...»

* * *

Помятая черная птица
куцый от полночи хвост
Небесные ягодицы
в прыщиках бледных звезд
Сушите весла и простыни
и полно вставать на дыбы
высохли рыжими росами
все кровяные гербы.
Никель луны на скатерти
Длинным-коротким коли!
А ну меня к чертовой матери
в шершавый затылок земли.

СМЕРТЬ

Штык
в спину
тык.

* * *

Косточкой слоновьей зима
в горле форточки.
Сыто листаю Дюма
сев на корточки
в кухне. Спиной подпер
ребра дома
холодильника грузный собор.
Кома.
Дактилоскопия в стекле.
испарина чайника.
Сродни дворниковой метле
рука маятника.

* * *

Я чую весну Робертом Пирри
втиснув в форточку плеч
и глядя на снега нестиранный плед
узнаю, что кончается аптечный синдром
воробы в печенках планеты
вышелушивают
раковые крошки-клетки
и ветер цвета больничных палат
скоро станет свирелькой в Аркадии
и пастушки перестанут шпаклевать себя гримом,
и станется...

* * *

А на улице Брейгель...
охотники по снегу...
сорока в ветвях...
Опять жена взялась в ругань
опять этот ох и опять этот ах
Вот не по Сеньке шапка
канарейка с овсянкой
да на форточке кот
голубиная лапка
три разных пути –
но все едино вперед.
Не разбрасывайся теми
кто любит тебя.
Не разбрасывайся.
белокурыми днями
этой зимы
В душе вкус пресного хлеба
я шатаюсь по городу как маятник Фуко-
пьяным акробатом
под куполом неба.

* * *

Принеси с собой водки
белой воды со вкусом свадеб и смерти

Мы одни, как Санта-Клаусы в горящем Крыму.
Мы знаем все про Это.
так куда же мы, черти...

Разбрасываться теми,
кто любит тебя?

* * *

Ты скуksiшь милое личико
Я сделаю умную мордочку
До свидания!
Как через ситечко
Я выдавлюсь фаршем в форточку.

* * *

Теплый мартовский фен
Еще не нагретое солнце.
Капает с крыш как из крана
На кухне моей вода.

* * *

Мир скоро загнется
Вместе с китами и бабочками.
Я курю.
Мой котенок играет тапочками.

* * *

Гаррота свинтила шею
на окраине уральского Палермо.
О,
чем занимаются руки мои
у хозяина за спиною.

* * *

Заводской автобус
Глотал людей. Новая смена.
Людям было грустно и плохо,
Они плакали, пели песни....
Потому что, когда людям плохо
Они всегда плачут
и поют свои песни.

**Мастерская слова «Алые паруса»
Дом детского творчества /Кыштым/**

Владимир Смирнов /17 лет/

ЛЮБЛЮ БЫВАТЬ ЗДЕСЬ

*«У каждого из нас на свете есть места,
Куда приходим мы на миг уединиться,
Где память, как строка почтового листа,
Нам сердце исцелит, когда оно томится»*

Да, у каждого есть особое, милое сердцу место, куда хочется возвращаться. Отдохнуть от будничной суеты, побыть наедине с собой. Обрести силу, чтобы снова окунуться в водоворот жизни. Для поэта Леонида Фадеева, автора процитированных строк, таким местом стали Чистые пруды в Москве. Для моих друзей из Санкт-Петербурга – это Александровский парк и старинные улицы Петроградки.

Кыштым – небольшой город, но разве здесь не найдётся для каждого дорогое, памятное место? Люблю бывать в парке у нашего Белого дома! Центр города, но всё здесь дышит покоем. Время будто замирает, его течение не могут ускорить снующие по мосту машины. Прошлое встречается с настоящим. От стен Белого дома веет основательностью. Более четверти тысячелетия стоит он, молчаливый свидетель демидовских дум и дел. Сколько событий пронеслось над ним, сколько гостей, в том числе иноземных, поднимались по его лестницам...

Вдоль берега пруда, словно стражи, выстроились ивы и тополя. Мощные кроны создают тенистую аллею, по которой приятно пройти в любое время летнего дня. Шёпотный разговор этих исполинов прерывается детским смехом. Деревья взирают на очередное поколение подрастающих кыштымцев и, наверное, размышляют, как оно,

повзрослевшее, позаботится об этом уникальном месте. Самый приятный для меня уголок – спуск к воде. Не парадный, с видом на мост, а тот, который расположен в глубине парка. Отсюда открывается просто потрясающий вид на пруд, на дом заводчиков Дружининых и, конечно, на горы. Люблю бывать здесь рано утром, когда солнце едва золотит верхушки Сугомака и Егозы. Когда солнечные блики играют на поверхности воды, а здесь, у берега, ещё глубокая тень, и припозднившаяся рыба нет-нет, да и выпрыгнет за мошкой. Люблю бывать здесь вечером. Каменные ступени нагреты за день. Над горами полыхает заходящее солнце. Кажется, будто Сугомак и Егоза склоняют вершины головы друг к другу...

Осенью мне нравится пёстрый ковёр листвы под ногами. Зимой – белая равнина пруда. Люблю бывать здесь один, и с родителями, с сестрой. В любое время года я рад парку, а он – мне. Мысли приходят в порядок, на душе становится светлее, дышится свободнее. Уверен: как бы не сложилась жизнь, куда бы ни пришлось уехать, этот уголок родного города – навсегда в моём сердце.

**Дарья Козочкина /10 лет/
ЧУДО**

Была середина апреля. Всюду ещё лежал снег. Но ветер уже так обнимал желанным теплом, что было немного жарко. Мы с мамой прогуливались и не заметили, как дошли до леса. И здесь я увидела бабочек! Некоторые грелись на тёплых камнях, другие порхали, радовались солнышку и теплу. Пара бабочек целовалась! Они не искали еду, а были рады долгожданной встрече. Играли в прятки! Прижмётся одна к камню, сольётся цветом, разведя крылья, и – готово! – не видно её! Или разлетятся, обе спрячутся и не понимают, почему их так долго не могут найти.

Хотелось смотреть и смотреть на этот праздник. Бабочки в апреле – чудо!

МЕЖПЛАНЕТНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

отрывок

Вся эта история началась на Пьюлоне, маленькой планете, которая находится совсем рядом с Землёй. Почему астрономы Земли ничего не знают о такой планете? Дело в том, что планета окружена специальной невидимой оболочкой. Щитом, если хотите. Видите ли, пьюлоняне народ очень дружелюбный, а потому беззащитный. Ростом они не отличаются, зато очень-очень умные. Чтобы не вступать в конфликты с воинственными соседями, они и создали такую оболочку, и она служит им уже сто тысяч лет.

Один маленький пьюлонянин готовился ко дню рождения своей Мамы. Он хотел подарить ей что-нибудь необычное и прекрасное. Он так любил Маму! А Мама, как все большие девочки, любила украшения, которые на Пьюлоне стоили очень дорого, ведь на планете своих драгоценных камней не было. Малыш Плуня мечтал об украшении из удивительного зелёного камня, увиденного однажды на картинке в книге. Оно так подошло бы к Маминим глазам! Учитель-робот подсказал, что за таким зелёным камнем надо лететь на Землю. Там, в горном краю, на Урале можно легко добыть самое лучшее украшение. Решено! Он летит!

Отважный Плуня сел в корабль-тарелку, вспомнил все уроки Папы и Учителя-робота. Ему удалось взлететь и даже правильно указать бортовому компьютеру район посадки. Он отправился в опасное путешествие один, никому ничего не сказал, не спросил разрешения, не предупредил Папу и Маму. Плуня летел один сквозь космическую пыль, метеоритный дождь и другие препятствия на встречу приключениям.

Маленького путешественника разбудил бортовой будильник. Приборы показывали, что его космический корабль приближается к месту назначения. Он прильнул к иллюминатору и с востор-

гом рассматривал незнакомую планету Земля. Внизу проплывали горы, покрытые лесами, сверкали на солнце зеркала голубых озёр. Промелькнула стая больших белых птиц. Плуня распахнул иллюминатор и почувствовал, как свеж и прохладен земной воздух. Урал показался Плуне удивительно красивым. Конечно, здесь и только здесь следовало искать сказочный камень для Мамы.

**Юлия Рогозина /13 лет/
КОТ – ТОЛСТЫЙ ЙОГ**

Вы, наверное, удивлены? Но здесь нечему удивляться. Все видели котов многое множество раз в жизни. Стоит лишь получше присмотреться к котам, и вы сразу всё поймёте!

Но, если вы всё-таки не можете догадаться, я сейчас объясню.

Кот ест много, ооочень много! Ест, спит. Ест! Спит! Поэтому он – толстый!

А йог он потому, что готов сворачиваться в ТАКИЕ загогульки, что глазам не верится! И так, и этак свернётся, диву даёшься! Как настоящий йог. Теперь вам ясно, почему Кот – Толстый Йог?

ЖИРАФ ФАНТАЗИРУЕТ ТОЖЕ

О чём может фантазировать жираф? Да о чём угодно!

О своей собственной стране, например! О стране, где все-все могут летать, а облака сделаны из сахарноватных листьев. А ещё там есть поющие цветы: вот стало грустно – они запели весёлую мелодию – и всё прошло! Впрочем, в той стране почти никогда не бывает грустно, так, что цветы растут просто так – для красоты.

Это страна дружбы и радости! Все помогают друг другу, говорят хорошие слова, никто не обманывает и не обижает других, поэтому все счастливы.

Я знаю, в это трудно поверить, но эта страна существует не только в воображении жирафа. Эту страну Любви и Добра можно открыть, как неведомые острова, в каждом из нас. Давайте будем счастливы наяву!

ТИХОЕ ЗИМОВЬЕ

Рудольф Сырейчиков Отыщи мне лунный камень...

* * *

Пазин Анатолий Николаевич (1925, Мордовия – 1999, Кыштым) – кандидат исторических наук (1988), преподаватель истории, краевед, организатор детского туризма, директор Дома пионеров (1946), первый директор кыштымской школы №10 (1954), член общественных советов при кыштымском краеведческом музее.

* * *

С кыштымским историком-преподавателем Анатолием Николаевичем Пазиным (он жил неподалёку от известной в Кыштыме Вагинской деревни) я познакомился в 1954 году, во время организованного им туристского похода по маршруту Кыштым-Челябинск-Миасс-Карабаш. Анатолий Николаевич, кроме общего хорошего знания своего предмета, был отличным краеведом, увлечённым путешественником по окрестностям Кыштыма и по более дальним местам.

Собрались мы для отъезда в Челябинск в Железнодорожной школе возле Кыштымского вокзала. Основу группы составляли старшеклассники-спортсмены. На них возлагалась главная задача: перенос в рюкзаках и баулах продовольственного провианта и туристского снаряжения. Мне, окончившему только шестой класс, поручили носить в рюкзачке попадающиеся по ходу маршрута редкие камни и минералы. Анатолий Николаевич мечтал организовать в школе музей с коллекцией минералов. Вначале их искали и находили в Ильменском заповеднике, в его каменном массиве. Это были: сиенит, редкие шпаты, силикаты, разноцветные кварциты, схожие с халцедоном. Анатолий Николаевич всё надеялся найти, как мне помнится, какой-то «лунный камень», который мы так и не нашли. В моём воспоминании этот камешек остался разновидностью кварцитов жёлтого цвета, хотя на самом

деле лунный камень (адуляр) – из полевых шпатов. А однажды, уже под Карабашом, нашёл я камень с вкраплением, как мне показалось, благородного металла жёлтого цвета. Как потом выяснилось, это оказался пирит, из породы серного колчедана, пригодного для производства серной кислоты и меди.

После посещения живописного озера Тургояк мы совершили переход к хребту Большой Таганай, посетили посёлки Киалимские печи. Во время похода Анатолий Николаевич внимательно следил за каждым из нас, а если кто-то отставал, подбадривал:

– Пошустрей, ребятки!

Учил ставить палатки, определять место для костра, направление пути, во время посиделок с чаепитием рассказывал истории предыдущих походов.

Итогом нашего путешествия стала гора Юрма между Миассом и Карабашом. Изрядно покусанные комарами, самым ранним утром мы начали восхождение. С нами пошёл сторож лесного кордона-домика, где мы ночевали, – проверять поставленные кротовые капканы. (Я ещё удивлялся: что можно сшить из таких маленьких шкур?) На вершину мы успели к восходу солнца, к чему и готовились заранее. Осмотрели Чёртовы ворота, действительно похожие на каменные рога чёрта. В лучах переливающегося света при восходе солнца нам предстали внизу грандиозные ели, которых не заметишь в окрестностях Кыштыма, они высились в рассеивающемся тумане красноватого цвета. Налюбовавшись причудливыми красками и панорамой гор, мы спустились вниз на завтрак и отдых. После Юрмы последовал прощальный вечер у костра на речке Сак-Элга и возвращение домой из Карабаша по узкоколейной железной дороге на маленьком забавного вида паровозике, известном в народе своим неспешным ходом и прозвищем: «Куян». Остановку он делал в посёлке Черемшанка, далее следовал по живописному берегу озера Сугомак к посёлку Депо.

Судьба собранной коллекции минералов мне неизвестна – Анатолий Николаевич преподавал в другой школе. Впечатление же от похода осталось незабываемым.

Константин Чистяков Памяти деда

* * *

Виктор Маркович Рискин (21 апреля 1941, Херсон, Украина – 18 апреля 2016, Кыштым) – журналист, 47 лет в журналистике. Окончил филфак Саратовского пединститута. Карьеру в СМИ начал в 1969. Газеты: «Уфалейский рабочий» «Стальная искра» (г. Аша), «Кыштымский рабочий». Собкор «Челябинского рабочего»

* * *

Моя путеводная звезда. Именно так хочется начать. Сказать как-то иначе – погрешить против правды. Виктор Маркович Рискин не только для меня, его внука, он для многих стал маяком, примером, наставником. Всегда поражался его способности зажечь человека, открыть в нём такие качества, о которых тот сам не подозревает. Недаром Виктор Маркович с момента основания в 1996 в Кыштыме «Тин-газеты» для детей и подростков в роли педагога-консультанта воспитывал юных начинающих репортёров. Занимался подготовкой молодых журналистов, участвовал с охотой во встречах с молодыми, всегда находил время и силы выслушать, помочь - где советом, где делом. И вот один из учеников его, тележурналист и ведущий Лев Битков окончил журфак, защитил диссертацию. Евгений Ерошкин – ведущий вечернего выпуска новостей ГТРК Вологда. И сын, Марк Викторович Рискин – тоже пошёл по стопам отца в журналистику.

Не знаю, как именно он узнал о моих попытках писать стихи, но однажды позвонил и поинтересовался, давно ли пишу, попросил дать почитать. Конечно, раскритиковал тексты в пух и прах, назвав детскими. Но наказал непременно продолжать, за что я ему благодарен и сегодня. Часто призывал меня: «Если захочешь поговорить, звони мне, не откладывай на завтра!» А когда я отвечал, что не решаюсь отвле-

кать его от дел, строго смотрел на меня, давая понять, что внук, как он выразился однажды, «сказал глупость, которой не скажет и пятилетний ребёнок». При встречах дедушка сыпал историями из жизни, говорил о работе на мебельной фабрике, как от подсобного рабочего дорос до управляющего, как находил выходы из, казалось бы, тупиковых ситуаций, как иногда через абсурдные, забавные жизненные моменты приходил к истине. Рассказывал, как ещё в школе решил взяться за себя, пошёл в зал, начал заниматься спортом, работать над собой, не жалея сил.

Мы много беседовали в его последние годы. Чаще всего за работой в саду, где он проводил всё свободное время, куда звал и меня. В такие часы работа спорилась, мы успевали и то, что не планировали вовсе. Как-то раз дед предложил спор: за час «сочной» беседы окучить половину из отведённого поля картошки. Хорошо помню, как загорелись его глаза – это надо было видеть! По прошествии часа всё было сделано.

– И это, правда, сделали мы?! – воскликнул я.

– Да, чудеса способен творить человек, когда занимается любимым делом, - ответил он, с гордостью оглядывая участок.

Не важно, где – в саду ли, за рабочим ли столом, дед никогда не бросал начатое. Пока дело не доведено до конца, никогда не успокаивался. Работе отдавал всего себя целиком. Человек дела – это про него. Именно это качество он старался привить мне. Сколько себя помню, дед постоянно напоминал, намекал, показывал, что надо всего добиваться самому, своим трудом.

– Если только рассуждать о чём-либо, не предпринимая решительных шагов – можно и умереть от скуки и безделья, – внушал он.

Кто хорошо знал его, работал с ним, замечали его работоспособность, надёжность в работе, именно за это ценили и уважали. Борис Каршин, редактор «Челябинского рабочего» назвал Виктора Марковича «суперпрофессионалом». Дед прошёл с честью трудовой путь, а сделав выбор в пользу журналистики, поднялся на недостижимую для меня высоту, хотя сам про себя и говорил, что никогда не умел писать. Его требовательность в работе иногда смущала. Мог и накричать, ког-

Александр Клепалов Великий патриот Урала

да видел, что дело идёт не так. Прямолинейный и честный, не врал никогда сам и не терпел вранья со стороны. Не любил жаловаться на трудности и не любил, когда жалуются ему. Удивительной силы был человек, честное слово!

Строгий и требовательный, в тоже время привлекал к себе искромётным юмором, самоиронией, эрудицией, позволяющей ему безупречно поддержать разговор практически на любую тему. Знал отлично классику литературы, обладал профессиональной способностью «разговаривать» любого. А как читал стихи! (кстати, и сам их втайне писал) Пел, и как пел! Романсы, песни. Творчеством жил, творчеством делился, творчество – это он сам. Псевдоним - Михаил Светлов – которым он зачастую подписывал статьи, наверное, очень подходил моему замечательному деду.

Когда был ещё школьником, как-то в библиотеке мне попала на глаза замечательная книжка Александра Андреевича Шмакова «Уральский краевед», в которой известный челябинский писатель проникновенно и тепло рассказывает о своём друге – краеведе из Шадринска Владимире Павловиче Бирюкове. Запало в душу, что мой земляк по матери – археолог и фольклорист, а я в то время грезил археологией и записывал пословицы и песни. Сам собой вдруг решил вопрос, «делать жизнь с кого». Книга эта лишь однажды появилась в продаже и очень жаль, что я её упустил. Когда поступал в Уральский университет в 1971 году в Свердловске, первым делом навёл справки о Бирюкове, который в старости перебрался в столицу Урала. Мечтал с ним встретиться, и для меня ударом стало известие, что он недавно умер (18 июня 1971 года, похоронен на Нижне-Исетском кладбище). В годы учёбы писал одну из курсовых и дипломную о Бирюкове. Знал, что Александр Шмаков, руководивший челябинской областной писательской организацией, основатель (с 1973 года) «Бирюковских чтений», высказывал пожелание об издании биобиблиографического справочника-указателя о Бирюкове, но, хотя моя дипломная работа как нельзя лучше, вроде бы, подходила на эту роль, я не дерзнул продвигать моё творение. Теперь же, через несколько десятилетий, когда мир стал иным, и появилась масса новых данных об известном ураловеде, требуется подготовка второй части указателя.

Для нас, кыштымских поисковиков, Владимир Бирюков интересен, прежде всего, как образец краеведа и музейного работника, как пример человеческого благородства, целеустремлённости и поразительного трудолюбия. Известно, что он, начиная рабочий день до зари, трудился как целый научный институт. При этом отказывался от предлагаемых ему учёных званий. Был горд тем, что он – уралец, любил присказку: «Где родился – там и содился!».

А родился он 22 июля 1888 года в селе Першинском нынешнего Далматовского района Курганской области, в той самой местности, откуда при русской колонизации Урала пошёл поток первопоселенцев – исетских казаков, о чём написал наш современник Гаяз Самигулов в книге «От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости». Учился юный Бирюков в Пермской духовной семинарии, где получал образование и Павел Бажов, которого Бирюков заметил и продвинул первым. Закончил Казанский ветеринарный институт (1912) и работал ветеринарным врачом. Также окончил, как и его будущая жена, Московский Археологический институт (1915). Ларисса Николаевна, единственная его женщина, на всю оставшуюся жизнь, стала ему верным другом и незаменимым помощником. У них родился сын Ирик (который прожил мало, что стало трагедией их семьи). Владимир Павлович отслужил в армии (в Малороссии, в городе Хорол нынешней Полтавской области, где основал Народный научный музей, 100-летие которого отмечено в прошлом году). В гражданскую войну ему не удалось избежать призыва в колчаковскую армию, где короткое время лечил лошадей. В лихую годину скрывался в Томске, где подучился в местном университете. После войны он обосновывается в Шадринске, где создаёт знаменитое Шадринское научное хранилище, из которого вышли нынешние Краеведческий музей и Госархив. Двадцатые годы прошлого столетия вообще стали временем расцвета краеведения, в чём Бирюкова не превзошёл никто. Об истории краеведения в советской России, кстати, написал диссертацию кандидат исторических наук Сергей Борисович Филимонов, который был моим научным руководителем во время преддипломной практики. Замечу, что именно Владимир Бирюков стал одним из инициаторов создания Уральского государственного университета имени Горького.

Краевед Бирюков, при всех его энциклопедических познаниях Урала, был, прежде всего, собирателем культурных ценностей и историком-бытописателем, в дневниках которого запечатлелась целая эпоха. Разумеется, он был коллекционером. И чего он только не собирал! У него даже была коллекция винных этикеток, и впоследствии архивисты ломали

голову, что же с ней делать (об этом нам, студентам, поведал директор Свердловского областного госархива Василий Сивков, когда мы, студенты истфака, работали при переезде Архива в новое здание).

В жизни краеведа сказались административные реформы середины тридцатых годов и 1945 года. В 1935 году, уже после учреждения Челябинской области (в которую первоначально вошла территория и нынешней Курганской области) он подарил Челябинской областной научной библиотеке огромное собрание книг, подшивок журналов и прочего библиотечного добра, что стало залогом появления нынешнего Отдела краеведения. Становится одним из первых руководителей главной библиотеки Челябинска. В последующие годы он преподаёт в Челябинском пединституте курс русского фольклора и древнерусской литературы, о чём напоминает памятная доска с его барельефом на фасаде Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (установлена в 1975 году).

Делом жизни краеведа стало создание в Шадринске Уральского архива литературы и искусства. Он ведь дружил со многими деятелями культуры Урала, вёл и сохранял обширную переписку, тратил личные средства на подписку уральских периодических изданий. Ему даже пришлось построить специальный кирпичный амбар для надёжного сохранения собранных им сокровищ. В 1963 году, когда отмечалось его 75-летие, стареющий краевед, собиратель культурных ценностей, дарит всё своё состояние государству. На основе его богатейшего собрания документальных памятников создаётся Отдел личных фондов Государственного архива Свердловской области. Именно там, очевидно, мы можем найти его Библиографическую картотеку по Уралу (что позволит представить себе состав исторической библиотеки Василия Григорьевича Дружинина). Там дотошный исследователь найдёт «Словарь народного языка на Урале» и интереснейшую для историка-этнолога работу «Кем и когда заселялся Урал». Эти наработки великий труженик Владимир Павлович не успел опубликовать. Ждут исследователя-археографа дневники Бирюкова-бытописателя. Вспомним, что другой краевед, челябинец Кирилл Алексеевич Шишов, смог под-

готовить собственное Собрание сочинений. За Бирюкова это должны сделать его духовные наследники. Хорошо бы создать сайт, где будут и дневники, и многочисленные публикации краеведа-писателя, и, конечно, сборники литературно-краеведческих Бирюковских чтений, регулярно, примерно через год, проводящихся по настоящее время (последние, 22-е Чтения прошли 24 марта 2017 года).

Часть своего документального фонда уральский краевед оставил в главной библиотеке Ленинграда, города, где жил и преподавал в Петербургском университете наш Василий Дружинин, где учился в Горном институте Павел Карпинский. И в наше время в Питере живут немало творческих людей, выходцев с Урала. Ведь северная Пальмира, подобно Италии, всегда притягивала таких.

Интерес к наследию Бирюкова у краеведов столь велик, что в Объединённом государственном архиве Челябинской области был создан фонд его имени.

О литературном наследии Владимира Павловича говорят такие цифры. Издано 25 книг, не считая брошюр, и сделано около тысячи газетно-журнальных публикаций. Некоторые из них можно найти в библиотеке Кыштымского музея, как-то: «Дореволюционный фольклор на Урале» (эту книгу любила читать моя деревенская бабушка), «Записки уральского краеведа» (говорится о находках и открытиях) и «Уральская копилка» (автор рассказывает о вехах своей жизни и дорогих ему людях). В печатных трудах Бирюкова раскрывается душа писателя-фольклориста. Мы, музейщики, смотрим на его наследие со своей колокольни, но сам он полноценно жил лишь в литературной среде, где чувствовал себя как рыба в воде, где ему было хорошо. Ведь в изящной словесности и музыке живёт душа народа, к которому ты принадлежишь. Своё кредо Бирюков выразил так: «Через устное народное творчество, через родной язык – к познанию родного края».

Я был близко знаком с человеком, дружившим с Владимиром Павловичем в последние годы его жизни. В 1971-76 годах куратором нашего курса (на архивном отделении истфака УрГУ) был Андрей Ивано-

вич Серов. Студенты его называли шутя «Андрей Иванович – Серый волк», любили его за добросердечие и чувство юмора. Он преподавал краеведческую библиографию. Консультировал меня при подготовке дипломной. При этом много рассказывал о встречах с Бирюковым.

Сошлись они на почве библиографии Урала, когда Серов работал в Библиотеке имени Герцена, в Свердловске. И вот о чём поведал мой преподаватель:

Владимир Павлович вставал необыкновенно рано, с первыми петухами, нередко уже в 4 часа сидел за рабочим столом. И весь день без усталости трудился. Лишь иногда говорил: «Хоть бы кто-нибудь мне бутылку кефира принёс!».

Выполнял сам всю мужскую работу в доме. Колот дрова. Говорил про себя: «Я – кухонный мужик хозяйки».

Имел причуду никогда не носить шапки, буквально следуя поучению: «Держи ноги в тепле, живот – в голоде, а голову – в холоде». Андрей Иванович вспоминал: «Идёт в мороз по улице в тулупе, воротник поднят – и только лысина сверкает!». Не раз случалось, что милиция останавливала этого странного дедушку, спрашивая, не сорвали ли с него шапку.

Очень любил жену, которая была для него самым близким и дорогим человеком на свете. Когда Ларисса Николаевна тяжело заболела и попала в больницу, а им тогда было по 80 лет, он каждый день в любую погоду приходил к ней в больничную палату.

Мне довелось встретиться с родным братом Владимира Павловича Михаилом (годы жизни 1902-89). Это случилось, когда заканчивал учёбу в Свердловске. Знал, что Михаил Павлович Бирюков – научный сотрудник Свердловской селекционной (опытной) станции садоводства. И что он – краевед, как и его брат. Жил он на Химмаше, на улице Грибоедова, выстроенной после Великой отечественной войны пленными немцами. На той улице проживал тогда с родителями мой друг-поэт, шалопай Сашка Чаплук.

И вот я – дома у Михаила Павловича. Любезно встретивший гостя хозяин квартирки показался мне очень старым. Внешне был очень

похож на брата Владимира, каким я увидел его на последних фото-снимках: сухощавое лицо, круглые очки. Бросилась в глаза кровать с высокой периной. Заметил пишущую машинку, непременный атрибут любого тогдашнего литератора (позже и у меня была такая, под названием «Москва»).

Когда выяснилось, что он написал «Историю села Першино», я не приминул спросить об истории родного села моей мамы Новопетровское, которое находится в том же Далматовском районе Курганской области. Он охотно согласился мне помочь, обещал сделать текст на машинке. И действительно, спустя некоторое время прислал мне по почте превосходную историческую справку об уральском селе, которую вполне можно представить на Бирюковские чтения.

Побывав в Шадринске, где тогда жил мой дядя Николай Байборин, нашёл в местном госархиве целый клад – многотомную «Историю села Першино» Михаила Бирюкова. Держал в руках, тяжёлые тома с напечатанным на машинке текстом, в отличных переплётах. Понятно, что это – итог огромной, в течение всей жизни, работы человека, влюблённого в свою родину.

Много позже, уже проживая с семьёй в Кыштыме и купив с рук садовый участок, среди найденных в домике книг обнаружил пособие Михаила Павловича Бирюкова «Календарь садовода» (Свердловск, 1967). Им пользовался прежний хозяин Мизонов Пётр Гервасьевич, явно – ученик Бирюкова. Садовое хозяйство его нашёл в превосходном порядке, везде чувствовались рука и глаз агронома, не просто садовода-любителя.

Кстати, при деловом знакомстве с Мизоновым, который расставался с садом из-за глубокой старости, выяснилось, какой он интересный и заслуженный человек. Хозяйственник, бухгалтер по профессии, он организовал жилищный кооператив, построивший два больших дома на улице Кооперативной. Кроме того, этот энергичный человек оставил городу Кыштыму два коллективных сада – «Мичуринец» и «Кварц» (в обоих он был первым председателем).

Напоследок – о человеке, которого знает весь Кыштым, о заслуженном работнике культуры Анатолии Ивановиче Морозове. Никто не оспорит его высочайший профессионализм и заслуги перед Кыштымом, его второй малой родиной. А ведь наш Морозов – земляк Бирюкова, родом из Далматовского района, из села Белоярка. Навещая места, где родился, Анатолий Иванович непременно совершает паломничество в знаменитый Далматовский монастырь. Не забывает он и село Новопетровское в том же районе, где начиналась его карьера клубного работника. Там он оставил память о себе как заведующий сельским клубом (позже на той же должности работала жена моего двоюродного брата Светлана Байборина). Анатолий Иванович рассказывал, что ему попала тогда тетрадка с фольклорными записями Владимира Павловича Бирюкова. И вовсе не случайно Морозов-музыкант считает себя прежде всего фольклористом, учеником Бирюкова и Лазарева. И пишет краеведческие книги, как это делал его известный земляк, оставляя в них свою душу.

Интересные повороты в судьбе Владимира Павловича открываются, когда познакомишься с его окружением, прежде всего с родными братьями. Их у него было двое, Аркадий и Михаил, и оба, как и сам Владимир, стали учёными, причём начав с духовного образования. Ведь их отец Павел был псаломщиком. Средний брат Аркадий (годы жизни 1892-1969) стал известен как врач-педиатр и агроном-садовод. Его помнят и почитают в Шадринске. Личный фонд Аркадия хранится в Государственном архиве Курганской области.

В наступившем 2018 году исполняется 130 лет со дня рождения великого сына земли уральской Владимира Бирюкова. И хочется верить, что в этом году не только пройдут в Челябинске юбилейные, 23-е по счёту, Бирюковские чтения, но и в нашем Кыштыме вспомнят этого замечательного человека. Как не забываем мы местных героев краеведения, как помянули в прошлом году одного из основателей кыштымского ЛИТО «Грани», поэта и художника Виктора Павловича Толокнова.

ДЕТСКАЯ

Ольга Большакова Из жизни шишек

СОБАЧКА

Эта собачка – совсем не кусачка!
Эта собачка – породы «добрячка»!
Каждый по спинке погладить готов.
Только не любит собачка котов –
Двое разбойников у водокачки
Нос поцарапали нашей собачке,
Бедной собачке, совсем не кусачке!

ПИНГВИНЫ

Говорят, что у пингвинов
Не бывает ссор и драк,
Потому, что все пингвины
Носят строгий чёрный фрак.
Если ты во фраке –
Не полезешь в драки!

КАРАСИК

Задира, маленький карасик,
Учился плохо в рыбьем классе.
Не мог запомнить пустяка:
Нельзя с крючка есть червяка!
Он над учителем смеялся,
И на крючок – увы! – попался!

ШИШКИ

Как в лесном домишке
Жили-были шишки:
Папа – Шишк и мама – Шишка,
И Шишонок – их сынишка.
Был у них из шишек дом,
Рос шишовник под окном.
Вот однажды Шишк и Шишка,
И Шишонок – их сынишка,
Всей семьёй пошли к обеду
В гости к ближнему соседу.
У соседа шесть ребяток,
Симпатичных шишеняток:
Шишенёнок, Шишенёчек
И ещё один сыночек –
Шишенюша. Шишенёк
И ещё один сынок
По прозванию Шишик
(Он боится мышек).
И ещё мальчишечка –
Непослушный Шишечка.
Любит Шишик чай с малиной.
Шишенюша – чай с калиной.
А весёлый Шишенёк
Любит с липою чаёк.
Шишенёнок с Шишенёчком –
Чай с лазоревым цветочком.
Только Шишечка хохочет,
Чай со всеми пить не хочет
С пышками, ватрушками,
Вкусными пампушками.

Целый день играли шишки-
Шаловливые парнишки.
Вечер. Всем домой пора –
Спать в кроватках до утра.

В ПРУДУ

В прудике маленьком карпы живут.
Как же, вы спросите, карпов зовут?

Карпов Карпуша –
Ужасный копуша.
Карпов Карпёнок –
Весёлый рыбёнок.
Карпов Карпишка –
Большой шалунишка.
Карпов Карпусенька –
Самый малюсенький!

Если на берег придёт рыбачок,
Не попадутся ему на крючок:

Карпов Карпуша –
Ужасный копуша,
Карпов Карпёнок –
Весёлый рыбёнок,
Карпов Карпишка –
Большой шалунишка,
Карпов Карпусенька,
Самый малюсенький!

Если покажется пёстрая щука,
Наши карпятя – молчок и ни звука:

Карпов Карпуша –
Лентяй и копуша,
Карпов Карпёнок –
Весёлый рыбёнок,
Карпов Карпишка –
Большой шалунишка,
Карпов Карпусенька,
Самый малюсенький!

СЕМЬЯ

На братишках-окунишках -
Полосатые штанишки.
На сестрёнках-окуняцках –
Полосатые тельняшки.
Папа Окунь носит шляпу,
Очень важный Окунь-папа.
Он её под мышкой носит:
Ведь её теченьем сносит!
Окунь-мама в сарафане
Вяжет шарфик на диване
По-ло-са-тень-кий.

ЖУЧОК

Я увидела жука –
Золотое брюшко.
Спал он в чашечке цветка,
Словно на подушке.
Не гуди сердито, шмель:
Видишь, занята постель.
Не мешай жучишке
В бронзовом пальтишке.

Алиса Слободчикова /14 лет/ Старый Джо

Старый грузный Джо обитает на автостоянке. Молодость прошла, днями напролёт он лежит в своей конуре, поднимается только тогда, когда ему несут суп или кашу.

В городе, в котором живёт Джо, автомобильных угонщиков было, кажется, больше, чем нормальных жителей. Это делало автостоянки и прибыльным, и опасным делом. Хозяин автостоянки часто трепал своего пса за ухо, приговаривая:

– Хороший Джо, хороший... Старина, ты только это... того, не вздумай помирать. Как я без тебя? Где найду сторожа?

Действительно, когда-то Джо был неплохим охранником. Возможно, былая репутация – Джо всё ещё была на слуху. Пока никто не пробовал взломать хлипкий замок и украсть машину из-под носа у дряхлого пса.

* * *

Обычная холодная ночь. Джо недавно получил вкусную похлёбку с хлебом. Облизывал края миски большим тёплым языком. Покончив с трапезой, скрылся в глубине будки и по-старчески задремал. Глаза его странно подёргивались, иногда он слегка повизгивал. Но вдруг внезапно подскочил с удивительной для его возраста прытью. И зашёлся протяжным то ли лаем, то ли воем.

В сторожке зажёгся свет. Взяв фонарь, Хозяин спешил на выручку. Метнулась неясная тень, перелезла через высокий забор чья-то тёмная фигура. Наступила тишина. Только Джо нервно зевал и вздыхал.

– Джо! С тобой всё в порядке? Нет, ну ты видел? Надо же так нахально вламываться! Да уж, надо искать тебе помощника!

Старый пёс лизнул Хозяину нос и щёку. Хозяин рассмеялся и ушёл в сторожку.

* * *

Зима. Идёт снег. Машины периодически погружаются в сугроб, и снова показываются, когда хозяин работает лопатой. Все готовятся к Новому году. Хозяин забрал Джо домой, уверенный, что в такую погоду никто не полезет в сугробы из-за пары старых машин. Пока Хозяин наряжает ёлку, готовит пир, Джо взирает на приготовления с высокого и широкого кожаного кресла. Кресло это стояло в углу очень давно, и каждое Рождество считалось законным местом пса. Друзья Хозяина так и говорят: «кресло старого Джо».

* * *

Когда мясо начало подрумяниваться и пахнуть, Джо спрятал голову под махровый плед, зная, что сейчас его будут выгонять на пол – к миске с собачьим ужином. Хозяин осторожно скинул краешек ткани и потрепал собаку за ухом:

– Да, ладно! Ты у нас уже старичок, можно и в кресле остаться!

Хозяин, не теряя времени, сходил на кухню за миской, в которой остывала похлёбка с мясистым крылышком. Но на половине пути его остановил пронзительный звук дверного звонка. Хозяин открыл дверь на улицу, в дом влетел снег. Никого не было. Хозяин хотел было уйти, но заметил большой свёрток, в котором кто-то шевелился. Хозяин ловко подхватил его, прежде, чем тот соскользнул вниз со ступенек. Закрыл дверь, отнёс миску Джо, опустился рядом, развернул свёрток:

– Так-так. Что это, что у нас здесь?

На руки ему выпал толстый щенок-младенец. Ротвейлер?! Несколько минут Хозяин покачивал головой, обдумывая, кто мог подарить такое чудо. Потом поднёс щенка Джо, на оценку. Джо старательно обнюхал собачьего ребёнка, завилял хвостом.

– Ну, вот, Джо, теперь у тебя будет помощник!

* * *

Летом так хорошо на улице! Людвиг – так назвали щенка – уже подрос и оправдывал все ожидания Хозяина. Вот он играет у будки. А вот

бегают за бабочкой. Джо неодобрительно смотрит на детские шалости. Но Людвиг знает способ его задобрить! Подкрасться сзади и потрепать хвост старику.

Но что это?! Не ворчит старина Джо, не пытается поймать Людвига, не сопит чёрным носом, не шевелит хвостом, не дышит...

Теперь – Людвиг – охранник автостоянки.

Ирина Трегубова

ТОМ&ДЖЕРРИ

Том и Джерри
Влетели в двери!
Котёнок имышь!
Их шорох услышь!
Устроили гонки как белки –
От стенки до стенки,
по часовой стрелке.
Вдогонку, вприпрыжку,
По полкам, по книжкам,
Справа налево и наоборот!
Пойди разбери, где мышонок, где кот!
Пушистый комок по квартире летает.
Вопрос: «В чём же дело?!» у всех возникает.
Вопрос очень веский!
Ответ слишком дерзкий:
НЕ ПОДЕЛИЛИ СЫРНОЙ НАРЕЗКИ!

Раис Валиуллин

НАШЕЙ КОШКЕ СИМЕ

Кто нас встречает на пороге
 Пушистым коlobком?
 Кто рада больше всех на свете,
 Когда заходим в дом?
 Тебя котёнком мы забрали
 И думать не могли,
 Какое счастье нам отдали
 Родители твои!

Вера Белова По следам Агнии Барто

* * *

Мы игрушку починили.
 Лапу Мишеньке пришили.
 Нам понравилось чинить,
 Мы решили обновить
 Платице у куклы Кати.
 Лента синяя тут кстати,
 Кукла в платье голубом
 Выглядит как новая,
 Будем шить мы для неё
 Модные обновы!

* * *

Не хотел кататься кот,
 Он машину опрокинул,
 Фыркнул, комнату покинул,
 Пулей выскочил во двор
 И запрыгнул на забор,
 По забору пробежался
 И на крыше оказался!
 Он прогнал всех воробьёв,
 Хвост трубой! И был таков!

* * *

В гости я к своим друзьям
 На лошадке прискакал.
 Чтоб она не убежала,
 Я лошадку привязал.
 В шашки поиграл с друзьями,
 И в лото, и домино.
 А потом домой вернулся,
 Благо здесь недалеко.

* * *

Ночь настала, город спит.
 Только слон у нас грустит
 У него бессонница –
 На родину он просится.
 Вспоминает он саванну,
 Как с подружкой гулял,
 Рвал кокосы и бананы
 И слонику угощал.
 Вот и мается в коробке,
 Где и грустно, и темно,
 Нет матраса, нет подушки,
 Главное, что нет подружки
 В той коробке у него.

* * *

Зайку жалко, он промок,
 Со скамейки слезть не смог,
 Заболел и занемог
 От ушей до самых ног.
 Нерадивая хозяйка
 На сушилке лечит зайку.

Людмила Щелконогова Запретная коробка

* * *

Верблюдики, верблюдики
 Горбатые идут.
 Верблюдики, верблюдики
 В горбах своих несут:

Тетради и учебники,
 Пеналы, дневники
 И с формой спортивную
 Объёмные мешки,

Вторую обувь нужную,
 Чтоб в школе надевать,
 И краски акварельные –
 Картинки рисовать.

Поверх лежат альбомы,
 А на «труды» - платки.
 Да это ж не верблюдики! –
 Они – ученики!

И ранцы неподъёмные
 Таскают за спиной,
 Как будто бы верблюдики
 Шагают чередой.

Окончатся уроки –
 Придут домой назад,
 Чтоб завтра превратиться
 Во выючных верблюжат.

НЕПОСЕДА

Пришёл из школы раз домой,
 И вышел разговор такой:
 Зачем я в классе баловался
 И от уроков отвлекался,
 Крутился, головой вертел,
 Сидеть спокойно не хотел?!
 Ах, это так нехорошо! -
 Пилили час меня ещё.
 В конце добавил мой отец:
 «Ну, ты, Володька, молодец!
 Откуда, неслух, появился?
 С Луны на головы свалился!»
 Что в оправданье говорить?
 Ну, как же непоседе быть?
 Ведь мне на месте не сидится,
 Мне бегать хочется, резвиться!
 Как долго тянется урок!
 Когда же прозвенит звонок?
 Вот и кручусь себе, верчусь;
 С соседом новостью делюсь,
 Наташку дёрну за косичку,
 Иль невзначай порву страничку.
 Сказал: «Меня простить должны!
 Пускай свалился я с Луны,
 Но долго будете ругаться –
 Назад придётся возвращаться!»
 Родители расхохотались
 И уже больше не ругались.

ЗАПРЕТНАЯ КОРОБКА

Есть запретная коробка
 На комодѣ высоко.
 Говорят, что в ней - лекарства!
 Дотянуться – нелегко!
 Мама строго наказала
 Ничего не трогать там.
 Мне-то ничего не надо,
 А вот куклам, мишкам – дам!
 Ведь они болеют часто:
 Надо же их полечить,
 Чтоб они могли утрами
 Со мной в садик приходить.
 И решила я лекарства
 Потихоньку доставать:
 Стул подставила к комоду,
 Чтоб коробку открывать.
 Взобралась, но этот стульчик
 Покачнулся подо мной!
 Прямо на пол полетела
 Я с коробкой – ой-ой-ой!
 Вся обсыпана лекарством,
 Встать-то кое-как смогла -
 За моё непослушанье
 Так наказана была!

СНЕЖИНКИ

Был выходной, и шёл снежок,
 По парку я гуляла.
 Снежинка, медленно кружась,
 На варежку упала.
 За ней вторая, а потом
 Вся стайка прилетела.
 И я внимательно тогда
 Снежинки рассмотрела.
 Такие разные они:
 Узор – на загляденье!
 Какая это красота! -
 Скажу я без сомненья.
 Спешу скорей к себе домой,
 Чтоб мама поглядела.
 Но вдруг – растаяли они –
 Доставить не успела!
 У мамы прыгают в глазах
 Лукавые смешинки:
 «Сегодня будут у тебя
 Бумажные снежинки!»
 Достали белые листы
 И ножницы достали.
 Мы ворох снежной белизны
 В момент навырезали!
 Я задала вопрос такой:
 «Откуда снег берётся,
 И куча маленьких снежат
 На Землю к нам несётся?»
 Сказала мамочка в ответ:
 «Об этом каждый знает,
 Ведь это дедушка Мороз
 Снежинки вырезает!»

УГОЛ

Папа любит на диване
 Телевизор посмотреть.
 Кухня – это царство мамы.
 У Джульбарса – коврик есть.
 А моё местечко – угол.
 Там стою частенько я.
 Почему? Скрывать не буду,
 Скрыть ведь этого нельзя:
 Вот разбил, к примеру, вазу
 И соседа отлупил.
 «Отправляйся в угол!» - сразу
 Папа мой определил.
 Так всегда. Набедокурю
 Или двойку получу –
 Ждёт уже заветный угол,
 Хоть туда и не хочу.
 Я, конечно, понимаю:
 (Не подумайте чего)
 Это просто воспитанье,
 Все прошли через него.
 Вообще-то папа с мамой
 Меня любят. Ведь не зря
 На мой праздник лучший самый
 Все пришли ко мне друзья.
 На столе – красивый тортик,
 Надо свечки задувать,
 И желание при этом
 Непременно загадать.
 Дунул, загадал желанье,
 Был я к этому готов:
 «Пусть квартира круглой станет,
 Чтобы не было углов!»

Юрий Халдин

* * *

Сегодня я художник!
 Возьму бумагу, краски
 И на листе, на белом
 Я нарисую сказку:
 Траву ярко-зелёную
 И небо – сине-синее!
 И нет на этом свете
 Картины той красивее.
 Я нарисую дверку
 И котика сидящего.
 И будет на картине
 Ну, всё по-настоящему!
 А то, что необычно всё –
 Так то мои фантазии!
 Надеюсь, вы простите мне
 Такие безобразия?

ПОЛОЖЕНИЕ о конкурсе «ОДНО СТИХОТВОРЕНИЕ – ОДИН ПОБЕДИТЕЛЬ»

ТЕМЫ 2018 года: моё детство; детский мир; кыштымская детвора; ребёнок – судьба мира.

Почему выбраны такие темы?

Дети – наше будущее. Детство помнится всем, как особая страница жизни. Размышления на эти темы – счастливые для творческих удач, к тому же традиционные для русской поэзии.

УЧРЕДИТЕЛЬ конкурса: ЛИТО «Грани» (Кыштым)

Ответственный: староста ЛИТО Клепалова М.Ю.

Организация и проведение конкурса осуществляется при поддержке центральной городской библиотеки имени Б. Швейкина (Кыштым).

ЦЕЛЬ конкурса: привлечь внимание земляков к поэтическому творчеству.

ЗАДАЧИ:

- поддержать традиции русской поэзии;
- способствовать созданию оригинальных поэтических произведений;
- оживить культурную жизнь родного города

Состав ЖЮРИ:

Петрушкин Александр Александрович, поэт, Кыштым

Шубин Александр Николаевич, поэт, Озёрск

Дворцова Лариса Николаевна, педагог, преподаватель русского языка, Кыштым

Клепалова Марина Юрьевна, поэт, прозаик, староста ЛИТО «Грани»

Янис Грантс, поэт, Челябинск

ПРИЁМ КОНКУРСНЫХ РАБОТ

в рукописном (текст должен быть удобен для прочтения), печатном на бумаге видах – краеведческий отдел библиотеки имени Б. Швейкина, адрес: **456870 Челябинская область, город Кыштым, улица Республики, 2.**

Телефон: 8 (35151) 41214, 8 (35151) 41150

или в электронном виде, с пометкой: «Детство» на электронный адрес:
kraeved50@yandex.ru

К работам прилагаются сведения об авторе: Ф.И. или псевдоним, год рождения; адрес или телефон для связи.

УСЛОВИЯ конкурса:

1. Участником конкурса может стать любой, достигший возраста 14 лет независимо от места жительства и занятий.
2. Принимаются стихотворные произведения на заданные темы на русском языке объёмом не более 20 строчек каждое.
3. Автор может представить от одного до трёх стихотворений, но в конкурсе будет участвовать только одно от каждого автора – по выбору жюри.
4. Срок приёма работ: с 15 марта до 1 октября 2018 года.
5. Работа жюри и определение победителя приурочены к дню рождения ЛИТО «Грани» 28 октября. Жюри определяет ОДНОГО победителя и присуждает поощрительные призы.
6. Если у членов жюри возникнут разногласия, решающий голос принадлежит старосте ЛИТО Клепаловой М.Ю.
7. ЛИТО «Грани» присваивает себе право публикации стихотворений конкурса в своём альманахе «Грани».

ПРИЗОВОЙ ФОНД: пять тысяч рублей, авторская работа – кукла-марионетка, автор Оксана Салахова (Кыштым).

Поощрительные призы: книги стихов известных авторов, куклы работы кыштымских мастеров.

Публичное вручение диплома победителя, награды и поощрительных призов - в октябре 2018 года, в библиотеке имени Б.Швейкина, Кыштым. О точной дате жюри оповестит участников.

Стихи участников конкурса 2017 года «Одно стихотворение – один победитель» Тема: морская стихия.

Владимир Яковлев /Озёрск/

* * *

Бушует море людское
Бездонное неопрятное
В горькой беде прощёное
Всеми отголосками бречное.

Не требует стужи напрасно
Всё настежь разгулу открытое
Не выслушав слово лестное,
Бросается в дебри кромешные.

И притворяясь омутом
Всего превосходства промысла
От старого пережитого
До нового срока бесценного.

Виктор Володин /Самара/

В МОРСКОМ ПУТЕШЕСТВИИ

Ну, а что ещё делать на море –
Ты часами глядишь на волну
И легко отрешаешься вскоре
Ото всех – как отходишь ко сну.

Покрывая морскую пучину,
Голубеет на взлёте волна,
И под взглядом безвольно
невинно

Растекается пеной она.

Кожура апельсина качнётся
Между волнами,
как на стекле,
И к тебе осознание вернётся,
Что живёшь не один на Земле.

Лариса Ерошкина /Кыштым/

* * *

Небо с морем повстречалось.
Небо с морем обвенчалось.

Под грибком дремала птица.
Ну, а людям, им не спится,

И на пляж они пришли
Ждать там утренней зари.

Дождь пошёл. Чтобы укрыться,
Кинулись в соседи к птице.

Та устроила побег,
Им оставив свой ночлег.

Чайка белая летит,
О любви земной кричит.

Алла Федосееenkova /Коркино/

ЭКСКУРСИЯ ПО ФЕОДОСИЙСКОЙ БУХТЕ

Кораблик «Михаил Светлов» - без парусов, зато с мотором.
Экскурсоводу мало слов, конец экскурсии не скоро.
А чайки вьются над скалой, резвятся на воде дельфины...
И пассажиров «повело»: там машет с берега Афина,
Тут Посейдон взмахнул веслом... Сорвало с якоря. Снесло...
Туристы «топлесс» загорали,

Но были «поблико морале»...
Качалась пена на волнах. Чудачил ветерок-задира.
И гасли вздохи «ох» и «ах», как угасали краски мира...
Кораблик «Михаил Светлов» к причалу в сумраке причалил,
Сгрузил укачанный улов, вздохнул и задремал в печали.

**АВТОГРАФ-СЕССИЯ
АЛЬМАНАХА**

ЛИТО «Грани» выражает благодарность
Юрию Борисовичу Халдину за участие
в финансировании издания нашего альманаха

**АВТОГРАФ-СЕССИЯ
АЛЬМАНАХА**